Вероятно, она отнимется от нас тогда, когда уже не станет тех, которые имеют решимость что-то потерпеть ради Христа — пройти вот таким крестным ходом покаяния, поплакать смиренно о своих грехах, помолиться за своих близких... да и не только за близких — за всю нашу многострадальную Родину... Поэтому как же нам надо дорожить такой возможностью — потрудиться ради Бога!

Но нужно не только потрудиться, но и благоразумно, во смирении, сохранить сей дар, ибо *«Господь гордым противится, смиренным же дает благодать»* (Иак. 4, 6).

Бог подает нам сейчас возможность прославлять Его святое имя в великолепных храмах и возрожденных обителях. Везде и всюду мы исповедуем Господа. Но это — по единой Его милости, заслуг наших в этом нет. И поэтому, если мы говорим: «Это я построил, это я сотворил, этого я достиг», то мы на ложном пути. Ничего нет нашего — все Господь подает нам по Своей милости. Спастись своими силами невозможно — только Господь спасает нас.

Запомните: все наши усилия и потуги в разных подвигах, поклонах и молитвах без смирения не принесут нам пользы. Если Господь видит нашу гордыню, тщеславие, наше непослушание Ему, то не подаст нам Своей милости, не подаст руку Свою в помощь, чтобы выйти нам из страшного болота греха, которое засасывает нас невоздержанием, неверием, суеверием, жестокосердием и прочими многочисленными пороками.

Будем же, дорогие, помнить сегодняшний день. Запишите в уголок своей памяти этот крестный ход — как вы его прошли. Следующий крестный ход будет ли для нас — мы не знаем, все — в руках Божиих. Но всегда имейте решимость идти за Господом, несмотря ни на какие трудности. Ибо нет ничего более ценного пред очами Божиими как проявлять верность Ему во всём: *«Претерпевый же до конца, той спасен будет»* (Мф. 10, 22). Аминь.

"Се Жених грядет в полуноши..."

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

Богородицкий Тихоновский (Тюнин) женский монастырь. 10 марта 2008 г.

«Се Жених грядет в полуноши и блажен раб егоже обрящет бдяща...»

О чем говорят нам эти слова? Они говорят о том, что Господь придет судить живых и мертвых «в полночь», т.е. внезапно. В тот час откроются дела каждого человека, и кто будет готов, тот войдет в чертог Жениха Небесного и будет вечно блаженствовать с Ним.

Но в основном это говорится для нас, дабы пробудить нас от греховного сна, ибо мы спим, не заботясь о светильниках наших, и нет человека, который бы разбудил нас, чтобы мы как пять дев с лампадами могли бы встретить Христа, освещая путь и входя с Ним в чертог Его любви.

Да, дорогие, трудно сейчас найти человека, который бы бодрствовал духовно. Диоген в свое время ходил по берегу моря с фонарем средь бела дня. У него спрашивали: «Что ты делаешь?» Он отвечал: «Ищу человека»...

Это относится и к нам, и должно в какой-то степени напоминать о нашем состоянии. Вряд ли сегодня мы найдем такого человека, который бы своими мыслями постоянно бодрствовал. Помыслы, как ветер, приходят и вызывают сильный ураган в нашей душе, притом показывают, что боль у нас — от того или иного человека. И мы начинаем еще больше волноваться, стремиться отплатить виновнику еще большей болью, гневом, яростью, невоздержанием. И получается, что вся наша жизнь — это не борьба с миром, плотью и диаволом, а война друг с другом...

Сегодня мы часто себя оправдываем — оправдываем свой греховный сон. Например, говорим: «Я не могу поститься». И не задумываемся над тем, что это враг рода человеческого не хочет, чтобы мы хранили пост. Конечно, пост не заключается только в еде, однако для того чтобы понести духовный пост, нам нужно немножко обуздать и тело, чтобы, утучненное питанием, оно не возмущалось против нашей души. Самыми лютыми врагами нашей души являются плоть, мир и диавол. И когда мы стараемся через физическое воздержание погасить бурную деятельность нашей плоти, то, конечно, душе

становится легче. Но враг рода человеческого диавол не хочет, чтобы мы постились. А почему не хочет — об этом сказано в Евангелии: «*Сей род* [т.е. демоны] *ничимже может изыти, токмо молитвою и постом*» (Мк. 9, 29). Он же (этот род демонский) и живет и в нас с вами. И он столько времени потратил, чтобы отвести нас от Бога, перечеркнуть все наши труды в молитвах, постах и лишить нас добрых дел. А мы по греховному сну нашему зачастую поддаемся, начинаем работать врагу — если не физически, то духовно, принимаем различные злые помыслы...

Один старец осудил брата. И так ему после этого стало тоскливо — в унынии он ходил по келье, не зная, что делать: отошла от него молитва. Вдруг видит он, что в келью заходит юноша без стука, без молитвы и спрашивает: «Помочь тебе? Я помогу избавиться от уныния». Старец понял сразу, что это диавол, который готовит ему новую ловушку, и отвечает:

— Иди от меня сатана.

— Но почему «иди»? Как только ты осудил брата, я постоянно с тобою. Ты же начал мне служить...

И только тогда, когда этот старец побежал к брату, попросил у него прощения, демон исчез.

А разве мало у нас таких случаев в жизни, когда нам кажется, что кто-то мешает нам спастись? Мы обижаемся, что кого-то больше любят, кому-то уделяют больше внимания, чем мне, кто-то является первым, а не я... Как только с этими мыслями пришли к себе в келью, запомните — мы принесли туда и демона. «Ладно, — думаем, — в келье будем молиться, возьмемся читать Евангелие, Псалтирь». Может, и возьмемся... Чуть почитаем — сядем... потом всё бросим, пойдем к соседу... Враг постоянно будет нас гонять, заставлять делать то, что для нас не спасительно.

Понаблюдайте за собой, и вы увидите, как издевается над нами лукавый демон. Как же не хочет он, чтобы мы постились! Ведь через наш пост Господь видит, как мы относимся к Нему. Когда мы

имеем близкого любимого человека, мы стараемся принести ему какой-нибудь подарок. Когда мы имеем близкого себе Богочеловека Христа, мы так же хотим преподнести Ему подарок нашей деятельной любви в посте, в молитве, в отношении к ближнему... Господь всё видит. Он хотя и в свете неприступном живет, но всё Собою наполняет, ибо Он — вездесущий. И Он видит все наши сердечные намерения, все наши желания.

Как важно для нас духовное бодрствование! Вот мы легли спать и думаем: слава Богу, сегодняшний день прошел нормально — мы и постились, и молились, и на службе побыли... Но забываем, что этого еще недостаточно, ибо сказано: «*Солнце да не зайдет в гневе вашем*» (Еф. 4, 26). Да, еще до захода солнца мы должны примириться, если что-то имеем на своего ближнего.

К сожалению, много у нас всяких обид на ближнего, худых помыслов, досадных недоразумений... Сердце заполнено всяким суетным мусором и неправдами, теснятся там и воспоминания всех мирских дел... И как это трудно выбросить, чтобы в сердце пребыл лишь один Господь. Вот я только увидел какое-либо событие, сразу вспоминаю, что и у меня было такое же — тут же все вспоминается, разогревается... и опять вместо Духа Святаго, Которого мы постоянно просим: «*Приди и вселися в ны*», у нас в сердце посеяно то, что мы приобрели в суете жизни.

Потому, когда мы приходим в храм Божий, надо помнить, что пришли мы сюда не для того чтобы прибавить к суете суету — пришли, чтобы все это убрать из сердца и посеять новое. И если приходим в монастырь, желаем здесь подвизаться ради спасения своей души, то надо постоянно помнить, что при принятии монашества мы отрекаемся от всего старого, т.е. ветхого нашего человека. Господь сказал: «*Не любите мира, ни яже в мире*» (1 Ин. 2, 15). А мы всё это часто любим, хотя внешне вроде бы и отреклись...

Поэтому я желаю вам заглянуть в тайничок души своей (а мы не хотим туда никого впускать — ни священника, ни кого-то другого), где мы храним все для нашей же погибели. Надо бы раскрыть, очистить сердце на исповеди. Пусть каждый подумает, с кем он будет сегодня жить — с Ангелом или с демоном. Если не прощаешь ближнему, то рядом с тобой демон, простил ближнему — Ангел рядом с тобой плачет и радуется. А тем более, если ты молишься, то и он сорадуется тому, что ты оставил злейшего лютого врага — диавола и стал воином Христовым, чтобы и Господу помогать во спасении наших душ. Аминь.

Святитель Тихон Задонский

Краткие нравоучительные слова

слово двадцать восьмое

О муке вечной и о жизни вечной

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь.

Как вечное блаженство от временного злополучия, так и вечное злополучие от временного несколько познается и ощущается. Нет столь великого в мире сем бедствия, которое бы не имело какого-либо утешения и прохлаждения. Тяжела нищета, но получает утешение от Христова имени и милости добрых людей. Мучительна жестокая болезнь, но прохлаждается лечением или чем другим. Великим бедствием и злополучием считается не только чести, имения, жены, детей лишиться, но и быть ввергнутым в темницу. Однако же бедствующий так не без утешения: светом и воздухом, для всех общим, наслаждается, хотя и неравно со свободным; пищей и питием прохлаждается, тяготу во сне забывает, посещением добрых людей утешается, надеждой освобождения питается. Может быть, ран и биения не терпит. Когда неправедно страдает, надеждой небесной награды увеселяется; а когда праведно, — смиряется пред Богом и признает грех, кается, и так надеждой милости Божией прохлаждается, говоря: *благо мне, что Ты смирил меня, чтобы я научился уставам Твоим* (Пс. 118, 71). Более того, смерть все это окончит.

Но как тяжко, как нестерпимо лишиться той славы, пред которой вся слава мира сего — как гной! Лишиться воззрения на то прекрасное Лицо, красота Которого, любезность и благодать все сердце и весь дух претворяет в желание и любовь; Которого блаженные духи от начала насытиться не могут, и вовеки без сытости насыщаться будут! Быть отринутым от Царя славы Христа, красота Которого солнечное сияние превосходит, сладости Которого немного вкусив на горе, святой Петр возопил: *хорошо нам здесь быть* (Мф. 17, 4)! Удалиться от града того прекрасного, небесного Иерусалима, который *не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец* (Откр. 21, 23). Быть изгнанным от славной и сладкой той вечери, на которой от начала мира до конца *званые и избранные Божии будут петь, веселиться, и от радости восклицать* (Ис. 65, 14)! Отстранить от любезного дружества блаженных духов и всех святых, сверх того, причислиться к темным и лукавым духам; быть заключенным в темницу, не видеть света; страдать без ослабления в геенском огне, который жжет, но не сжигает, мучает, но не умерщвляет!

Временное бедствие и страдание, как сказано, какое бы ни было, не без утешения, и как долго ни продолжается, смертью заканчивается, но оное бедствие и злополучие — безконечное!.. Не будет возвращения к славе Божией, не будет избавления от уз адовых и страдания огненного, словом: вечное отчаяние милости Божией, вечное чувствование праведного гнева Божия. Там услышится ответ: *вспомни, что ты получил уже доброе в жизни твоей* (Лк. 16, 25).

Здесь убегают люди от смерти, а там пожелают ее — и она бежит от них; пожелают в ничто обратиться, но не смогут, и так всегда будут умирать, но никогда не умрут: и *это смерть вторая* (Откр. 20, 40). Сильное страдание умножается тем, что страждущему никогда не остается надежды возвратить того добра, которое нерадением потерял, и освободиться от того страшного зла, в которое по собственной воле попался. От этого воспоследует тоска превеликая, страх и ужас превеликий; восстанет совесть, которая через всю вечность будет обличать и грызть грешника, что он такую высокую Божию благодать отринул и так самовольно высочайшей Божией милости навеки лишился, и в такое мучительное состояние пришел.

Бог, Творец неба и земли, Сына Своего ради тебя не пощадил, и на смерть и лютые страдания предал Его, как тебе Евангелие объявляло и учителя церковные проповедали. И это Бог сделал для того, чтобы тебя от беды той избавить. Но

ты эту неизреченную Божию любовь презрел, ради временного малого услаждения Бога оставил, исполнял свои прихоти, а не волю Божию, которая хотела спасти тебя, служил и угождал сатане, а не Христу.

Вот прочие подобные тебе люди ныне утешаются, радуются, насыщаются вечными благами, поскольку веровали и верой последовали Христу, Спасителю своему, а ты совет Божий отринул и так погиб! Сколько тебя Бог призывал на покаяние! Сколько увещевали проповедники! Ты все это презрел. Не хотел ты послушать Бога в жизни своей, не услышит и тебя ныне Бог. Не ожидай более ничего, кроме этого бедствия, в котором находишься. Эту чашу горести всегда будешь пить, но никогда всей не выпьешь. Кайся ныне, но поздно и безполезно, если не хотел в мире с пользой каяться. Стенай, воздыхай, плачь, рыдай, но безполезно, если не хотел плакать там, где слезы были полезны!

Там осужденного будет без конца мучить и, как червь, грызть совесть, и к болезни будет прилагать болезнь, к мучению — мучение. В такой тесноте и отчаянии не что иное последует, как то, что осужденный сам себя будет ненавидеть, сам на себя гневаться, сам себе быть мерзким, самого себя гнушаться, самого себя ругать, осуждать, час зачатия и час рождения проклинать; проклинать время, в которое грешил; проклинать случаи, которые к греху приводили; проклинать те лица, которые к греху случай подавали; вспоминать тех, которые от греха отговаривали.

О, вечность, вечность, злополучная вечность! Сколь и само воспоминание твое ужасает дух наш! Насколько увеселяет и восхищает дух размышляющего блаженная вечность, настолько в печаль и страх приводит вечность злополучная. Невозможно о сей последней помыслить без воздыхания и ужаса. Лучше здесь всякое бедствие терпеть, лучше во всякой тягчайшей болезни всю жизнь страдать; лучше закованным в смрадной и мрачной темнице весь век сидеть, биения и раны принимать, каждый день умирать, в огне гореть,

когда это возможно будет, лучше, наконец, все, сколько на свете может быть, беды, вместе собранные, с благодарением терпеть, если воле Божией угодно будет, нежели лишиться блаженной вечности и попасть в неблагополучную вечность.

Ибо здесь какое бы ни приключилось страдание, но каждое из них имеет какое-нибудь утешение и смертью оканчивается, а там страдание, лютое страдание без всякого утешения, страдание не только словом, но и умом непостижимое; страдание, которое всегда будет, но никогда не оканчивается: *червь их не скончается, и огнь их не угаснет,* — говорит пророк (Ис. 66, 24). Кто верит этому, тот, размышляя и часто вспоминая об этом страшном злополучии, может к усерднейшему возбудиться покаянию, чтобы от бедствия того избавиться; а кто не верит, тот самым делом горести его вкусит, и без конца, как сказано, вкушать будет.

В блаженную вечность входят благочестивые, верой во Христа, Сына Божия, оправданные и в вере живой житие это окончившие, которых Сам Христос, ублажая, призывает в блаженство оное: *Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте царство, уготованное вам от создания мира, ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне* (Мф. 25, 34-36). В неблагополучную вечность будут ввергнуты грешники нераскаянные, которых Христос отопчет от Себя, как неблагодарных: *идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его, ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня* (Мф. 25, 41-43). *И идут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную* (Мф. 25, 46).

Идут оба, но не равно: одни с плачем и рыданием неутешным, а другие с весельем и ликованием неизреченным. Ибо в неравные места идут: одни в обители Отца Небесного, в украшенные чертоги Царя славы, на великую вечерю, безконечно увеселяющую, и на преслаткий брак Агнчий, а другие — в темницу вечную и место плача, рыдания и мучения вселютейшего. Одних примет небо со всеми благами, *которые око не видело, ухо не слышало, и на сердце человеку не приходило* (1 Кор. 2, 9), а других заключает ад со всеми злыми, которых ни словом изобразить, ни умом постигнуть не можем. Аминь.

БЕХТЕЕВЫ И СВЯТИТЕЛЬ ТИХОН ЗАДОНСКИЙ

Дворянский род Бехтеевых дал России немало доблестных сынов и дочерей. Среди них были воеводы и стольники, стряпчие и дипломаты, доблестные морские офицеры и земские начальники, предводители дворянства и фрейлины императриц. Один из Бехтеевых, Федор Дмитриевич (1716-1761), был первым учителем Государя императора Павла I. Сергей Сергеевич Бехтеев-старший (1844-1911) оставил немалый след в жизни нашего края, будучи предводителем дворянства Елецкого уезда, а позднее членом Государственного Совета и активным деятелем объединенного дворянства. Основными родовыми гнездами весьма разветвленного рода Бехтеевых были села Ксизово и Липовка (последняя вместе с деревней Галичья гора представляла некогда единую вотчину, которой Бехтеевы владели на протяжении нескольких столетий). Но особый интерес у православных ныне вызывает жизнь и творчество русского национального поэта-патриота «Царского гусляра» Сергея Сергеевича Бехтеева-младшего (1879-1954), автора 10 поэтических сборников, 130-летие которого будет праздноваться почитателями его яркого и самобытного таланта в 2009 году.

Отставной секунд-майор Алексей Иванович Бехтеев, прапрадед поэта, познакомился со святителем Тихоном Задонским еще в бытность владыки на Воронежской кафедре. Епископ Тихон, будучи в задонских краях, бывал иногда у Бехтеевых в гостях. В то время семья Алексея Ивановича, имевшая усадьбы в селах Липовка и Ксизово, проживала преимущественно в Ксизово. *По данным переписи на 1.01.2007 г., в с. Ксизово числится всего 208 дворов и 492 жителя. Так что село это сейчас скорее вымирающее и беднеющее, нежели растущее и процветающее.* Однако было время, когда оно предстояло в иной славе и достоинстве. Так, по данным В. П. Семенова, «в начале XVII века здесь был городок, заселенный после 1613 года детьми боярскими и ельчанами. К концу XVII века селение называлось уже Ксизовым городищем, но при Петре I еще было приселено сюда несколько семей служилых людей и построена была церковь»[1]. К началу XX века, согласно тому же источнику, в Ксизово было около 2 тысяч жителей, две церкви, волостное правление, школа и лавки.

Как отмечает краевед — исследователь рода Бехтеевых липчанин А. А. Найденов в одной из своих публикаций, именно Ксизово явилось изначальной «базой для рода Бехтеевых». И с этим утверждением, вероятно, можно согласиться. В этом

Никольский храм в с. Ксизово, построенный помещиком Яковом Дмитриевичем Бехтеевым в 1759 г.

селе представители рода Бехтеевых достоверно проживали с начала XVII до конца XIX века, после чего их земли и имения были постепенно в силу еще до конца не установленных причин утрачены. Вероятнее всего, владения переходили к иным собственникам по женской линии через наследниц или продавались. Бывали, правда, и более печальные мотивы. Так, по архивным документальным данным, в 1860 году, после смерти майора Михаила Бехтеева, имение его за долги было отдано в опеку, и, согласно уведомлению Воронежского губернского правления от 11 августа 1860 года, опекуном имения г. Бехтеева назначен был некто Г. Ярцев из дворян Задонского уезда[2].

Но вернемся назад ко времени, когда святитель Тихон Задонский впервые побывал в гостях в Ксизово в семье у своего почитателя — отставного секунд-майора, помещика Алексея Ивановича Бехтеева.

В житии святителя Тихона Задонского, изданном в Санкт-Петербурге в 1862 году, этот эпизод описан так: «Когда Преосвященный Тихон правил еще епархией и в первый раз посетил дом помещика Бехтеева в селе Ксизове, он обратил внимание на юного сына его Никандра. Братья его, приняв благословение у святителя, ушли играть; но Никандр во все время

[1] Семенов В. П. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб.: Издание А.Ф.Девриена, 1902. С. 584.

[2] ГАВО (ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ). Ф.И-30, Оп.1. Д. 2260, Л. 9. Дело об определении кого-либо из дворян Опекуном к имению умершего майора Бехтеева, состоящему Задонского Уезда.

[1] Житие иже во святых отца нашего Тихона, епископа Воронежского, всея России чудотворца. Издание второе, дополненное. — СПб. 1862. С.98. Перепечатано: Житие Святителя Тихона Задонского. г. Задонск: Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, 2005.

пребывания Тихона не отходил от него, слушая со вниманием его поучения. Оставляя дом Бехтеевых, святитель подозвал к себе Никандра и, дунув ему в лицо, сказал: "Да будет благословение Божие на сем юноше". Никандр ощутил какую-то неизъяснимую радость и старался чаще видеть святителя в Воронеже или Задонске. Тихон, видя доброе расположение Никандра, тем охотнее поучал его словом Божиим». У Никандра Бехтеева было еще два родных брата: Сергей (будущий прадед поэта) и Гервасий. Все три сына по семейной дворянской традиции прошли путь военного служивого поприща. Не стала служба в армии исключением и для духовно одаренного Никандра, который в течение трех лет прослужил, вероятнее всего, в сухопутном полку в Петербурге, «напутствованный благословением и наставлениями Тихона».

Духовная связь между святителем Тихоном и молодым Бехтеевым тогда, несмотря на разлуку, все более крепла. Об этом свидетельствует, в частности, одно из писем Тихона Задонского своему будущему духовному чаду и сподвижнику. Это письмо, обозначенное в полном собрании сочинений Тихона Задонского под № 32, не имеет указания адресата, но, по единодушному мнению биографов прославленного русского святого и исследователей его литературного творчества, адресовано было именно Никандру Бехтееву. Вот некоторые отрывки из святительского послания: «**Приметил я твоего молодого сердца восхищение к будущему блаженству; желаю, чтобы оное в твоем сердце действовало и плод показало... Однако ж и совет мой тебе предлагаю; внимай сему, что пишу.**

1) Помни, что в Петербурге живешь, где столько видишь того, что от пути благочестивых отводит, сколько ни выходишь из своей квартиры: берегись же!

2) Помни: развращенных, как моровой язвы, берегись...

3) Бога во всяком начатии, деле и слове поминай. Он все дела, слова и помышления наши примечает и в книге Своей записывает, и воздает всякому по делам его.

4) Спать ложась и вставая от сна, молитвы не оставляй.

5) Пищу и питие и благая прочая с благословением и благодарением приемли и не подражай тем, которые, как скоты делают, едят, пиют Божие добро, и не благодарят Бога...

6) Чести не ищи...

7) Ласково со всеми обходись, но ласковое и сердце имей. Ласковое бо обращение без ласкового сердца есть лицемерие и лукавство. Сего берегись!

8) Обиду и оскорбление прости и не поминай, и за содеявшего оные в тайне сердца твоего молись.

9) Смерть, как неизвестного звателя ко Господу, всегда поминай...

10) Роскошей всяких в пище и платье, как яда, берегись.

11) Уши затворяй от слухов и глаза от видения лиц известных, как от страшилищ, отвращай.

12) Береги языка своего, и ни о ком не говори, кроме нужд.

13) Наконец, помни всегда, что все зде в мире оставим, и пойдем нагие в оный свет.

По приведенному тексту можно представить высоту той спасительной планки, что предлагает святитель Тихон своему будущему любимцу, коим станет вскоре Никандр. По мнению литературного критика К. В. Мочульского, трогательные отношения Тихона Задонского и Никандра послужили прообразом для художественного изображения Достоевским взаимоотношений старца Зосимы и Алеши Карамазова в «Братьях Карамазовых».

Знакомство же с отцом Никандра, Алексеем Ивановичем Бехтеевым, у святителя Тихона, судя по всему, переросло в самые добрые, теплые и дружеские чувства. Как отмечено в житии Тихона Задонского, «три лета у святителя была от г.г. Бехтеевых лошадь и одноколка», на которых преосвященный любил разъезжать, ища уединенные места для молитвы и созерцаний. Нередко при том посещал святитель и Липовку. Как вспоминает келейник Тихона Задонского Василий Иванович Чеботарев: «село это (Липовка — *В. Н.*), расстоянием в 15 верстах от Задонска, господ Бехтеевых; там был и господский дом; господа же сами там не жили. Временем он (свт. Тихон — *В. Н.*) отъезжал туда и жил тамо месяца по два и более, где при нем были я и повар. В оном селе священник один был, и служба в церкви отправляема была токмо в воскресные и праздничные дни, в простые же дни преосвященный сам отправлял в доме вечерню, утреню и часы, и при нем я один только бывал и читывал».

Дружба с великим русским святым, «российским Златоустом», без сомнения, оказала благотворное воздействие не только на членов семьи Бехтеева, но и на их далеких потомков, чрез годы и роды, включая и самого поэта.

Липовка была одним из наиболее любимейших мест уединения свт. Тихона. «**Я бы, ей, там неисходно жил**», — писал он в одном из писем своему приятелю, некоему Ивану Михайловичу, человеку ученому и тяготеющему к молитве и уединению (Указ соч. Т. V, письмо № 14). Кстати, в том же письме святитель Тихон сообщает еще об одной очень интересной подробности, упоминая о том, что в Липовке живет его родной племянник, сын старшего брата Евфимия, диакон Филипп. В детстве брат этот сыграл большую роль в судьбе будущего епископа. Он воспротивился отданию маленького Тимофея (так звали в миру Тихона Задонского) из-за недостатка пропитания на воспитание в дом бездетного ямщика. Догнав свою мать, которая была уже на дороге по пути к дому того ямщика и став пред ней на колени, старший брат стал слезно умолять ее: «Куда вы ведете брата? Ямщику отдадите, ямщик и будет; я не хочу, чтобы брат ямщиком был, я лучше с сумою по миру пойду, а брата ямщику не отдам. Постараемся

обучить его грамоте, а тогда он, может, какой-нибудь церкви во дьячки или пономари определится». Матушка воротилась домой. Эта трогательная сцена великолепно художественно оформлена и запечатлена в виде масштабной росписи на стене Задонского мужского Рождество-Богородицкого монастыря, сохранившись до сего дня.

Помня всю жизнь добрые дела старшего брата, став епископом, святитель и сам позаботился о его детях. Вышеупомянутого племянника Тихон Задонский взял собой в Воронеж, когда тот был еще 14-летним мальчиком и воспитывал его в Воронежской семинарии. Уйдя на покой, некоторое время, для лучшего приготовления к служению, он держал молодого человека при себе в келье, а потом поселил в Липовке у друзей своих Бехтеевых, где Филипп служил диаконом до самой смерти, последовавшей в 1800 году. Его сын Димитрий был потом заштатным причетником в Липовке, «сдав свое место сыну своему Иоанну (Соколову — *В. Н.*), которого старший брат Александр дьячком в селе Пушкарском» (Житие святителя Тихона Задонского, с. 57)

Подпись псаломщика Иоанна Соколова стоит в метрической книге № 21 с. Липовка в 1879 году внизу под записью о рождении 7 апреля Сергея Бехтеева (поэта) и воспринимается ныне как удивительное напоминание о непрекращающейся духовной связи рода Бехтеева со святителем Тихоном Задонским.

И еще одна интересная деталь: по словам жительницы города Задонска Р. С. Гороховой, уроженки с. Липовка, в близлежащем сельце Колодезное, да и в самой Липовке, еще в середине прошлого века проживали издавна семьи, носящие фамилию Соколовых. Не исключено, что люди те имели кровные родственные связи с прославленным русским святым (сам святитель Тихон Задонский носил некогда в миру в разное время три фамилии: Кириллов, Савельев и Соколов).

Но вернемся к Никандру Бехтееву. Как сказано в житии святителя Тихона, Никандр через три года службы вышел в отставку и заехал в Задонск взять благословение у преосвященного Тихона. «Святитель заметил, что молодому человеку надобно еще послужить. Никандр сказал, что желает теперь служить Царю Небесному. Тихон хотя одобрил его намерения, но советовал ему прежде испытать себя и приготовиться к духовной жизни... При прощании Тихон дунул в уста Никандра, сказав: "Воля Божия да будет с тобою, благословил и отпустил со слезами"». С той поры еще более заметная перемена произошла с Никандром. Он постоянно искал уединения, был задумчив, часто постился и усердно молился. Родители, заметив такую перемену, старались воспрепятствовать сыну в его, чрезмерном на их взгляд, духовном увлечении и стали запрещать ему поездки в Задонск, опасаясь, что Никандр уйдет в монастырь. Два года молодой человек был под домашним строгим надзором, хотя и продолжал вести переписку со святителем. Наконец в одну из ночей, воспользовавшись отсутствием родителей, Никандр, «пробравшись садом к реке Дон, сел в лодку и поплыл. Ночь была темная, река была широка в этом месте. Долго Никандр плыл, не видя берега (плыл он против течения — *В. Н.*), наконец увидел и на берегу встретил преосвященного Тихона и отца Митрофана против самого монастыря, отстоящего от Ксизово в 12 верстах вверх по реке Дон. Святитель Тихон сказал: «Я чувствовал, что Вы ныне оставите дом родителей, и вышел встретить Вас; дерзайте и не бойтесь. Хотя со стороны родителей Ваших и будут поиски, но Вы останетесь в ограде Христовой».

Храм во имя прп. Сергия Радонежского в с. Липовка. Построен Алексеем Ивановичем Бехтеевым во 2-й половине XVIII в. Большой интерес к строительству храма проявлял свт. Тихон Задонский.

Дальше, следуя тому же источнику, Никандра отвели в келью схимонаха Митрофана и спрятали его там в пещере, выкопанной руками Митрофана, о которой никто из посторонних не знал. На другой день Алексей Иванович Бехтеев прибыл в монастырь в поисках сына. С позволения игумена осмотрел он все кельи (за исключением кельи святителя Тихона), но не нашел сына и отправился к епархиальному архиерею. Но управляющий Воронежской епархией Преосвященный Тихон III мудро заметил расстроенному помещику, что у того еще осталось два сына (Сергей и Гервасий), пусть же третий послужит Царю Небесному. Алексей Иванович, будучи человеком православным и благочестивым, после тех слов сразу успокоился и не препятствовал больше Никандру в выбранном пути. После смерти отца своего «полученные деньги Никандр частью раздал бедным, частью употребил на украшение сельских церквей и на монастырь Задонский, выстроил себе келию и питался трудами рук своих».

Интересное свидетельство, подтверждающее благотворительность и жертвенность Никандра Бехтеева, обнаружил я не столь давно в дореволю-

ционной книге «Историческое описание Елецкого Знаменского девичьего монастыря, что на Каменной горе», составленное иеромонахом Геронтием. Речь идет, в частности, об устроении памятника на кладбище Знаменского девичьего монастыря скончавшейся в 1765 г. схимонахине Елисавете (в миру Евдокии), бывшей честной супруги схимонаха Митрофана, духовного учителя Никандра. Вот что сказано об этом в книге: «По кончине сей благочестивой схимонахини Елисаветы, Задонский подвижник Никандр Алексеевич Бехтеев возымел столь великое уважение к добродетельной ее жизни, что по просьбе его благословением святителя Тихона над ее могилою на Каменной горе был устроен памятник в виде высокого, красивого столба с фонарем наверху, внутри которого пред малым распятием теплилась неугасимая лампада» (иеромонах Геронтий «Историческое описание Елецкого Знаменского девичьего монастыря»).

Сорок лет провел Никандр Бехтеев в Задонской обители, где «выстроил себе келью и питался трудами рук своих», скончавшись в 1816 году. В последние годы земной жизни свт. Тихона Задонского Бехтеев входил в число наиболее близких к святителю и любимых его сотанников.

Как говорится в житие святителя: «Случалось преосвященному пригласить к себе обедать некоторых из посетителей обители; к столу был приглашен и Бехтеев. Во время трапезы Никандру вошла мысль: как Господь возлюбил святителя, обогатил его умом, верой, благочестием, да и наружно украсил его благообразным лицом, окладистой и красивой бородой (у него были только два клочка волос в бороде). "Раб Божий, — заметил Тихон, — что так мыслишь? Хочешь, я назову тебе угодников Божиих безбородых?" Он поражен был прозорливостью и, встав из-за стола, пал к ногам святителя и умолял простить скорбный помысел» (в мемуарах А. А. Бехтеева, основанных на семейном предании, этот эпизод изложен несколько иначе, но основанная суть передана так же: для Бога не имеет значение борода сама по себе, но сам человек, его добрые дела и состояние души).

После кончины Тихона Задонского довелось Никандру испытать вместе со своим учителем старцем-схимонахом Митрофаном (Голощаповым, выходцем из Елецких купцов) и горечь монастырских гонений, что, впрочем, никак не поколебало его твердости в выбранном им пути. Окончил дни своего земного странствия Никандр в 1816 году, по некоторым сведениям (имею в виду, в частности, записи покойного игумена Афанасия (Алексия Медведева), занимавшегося агиографией местночтимых подвижников Воронежско-Липецкой епархии, хранящиеся в Задонском мужском монастыре), приняв перед смертью схиму.

Поэт Сергей Сергеевич Бехтеев (1879-1954)

Со святителем Тихоном Задонским мистически связана была судьба еще одного представителя (точнее, представительницы) рода Бехтеевых. Речь идет об инокине Елене, в миру Екатерине Алексеевне Бехтеевой (1756-1834). Отцом этой славной Христовой невесты-подвижницы был отставной генерал-майор Задонского уезда Алексей Дмитриевич Бехтеев, который приходился родным братом первого учителя Цесаревича Павла Петровича Федора Дмитриевича Бехтеева и ксизовского помещика Якова Дмитриевича Бехтеева, устроителя каменного храма в том селе. Алексей Дмитриевич также состоял в близком родстве и с прапрадедом поэта Сергея Бехтеева — Алексеем Ивановичем, приходясь последнему двоюродным братом. Никандр и Екатерина (будущая инокиня Елена) Бехтеевы были также в родстве, но не столь уже близком (троюродном). Бытующая в ряде публицистических статей путаница обусловлена одинаковыми именами отцов Никандра и Екатерины (обоих звали Алексеями), так что некоторые современные авторы стали описывать Никандра и инокиню Елену как родных брата и сестру...

На сегодняшний день нам совершенно неизвестны подробности побега юной Екатерины из дома, и кто конкретно мог так сильно повлиять на ее решительный поступок. Быть может, была незримая духовная связь у генеральской дочери (семья генерал-майора Задонского уезда Бехтеева проживала постоянно, вероятнее всего, в Ксизово, а не в Задонске) с самим святителем Тихоном Задонским или троюродным братом Никандром? Так или иначе, но в 1756 году, на восемнадцатом году жизни, Екатерина тайно уходит из родительского дома и поступает в воронежский Покровский женский монастырь. Подобно своему двоюродному брату Алексею Ивановичу, разыскивавшему в гневе своего пропавшего сына Никандра, ищет свою дочь повсюду Алексей Дмитриевич Бехтеев, пока наконец не находит ее в Воронеже. Каким-то образом настоятельнице монастыря удалось уговорить родителя Екатерины не противиться выбору дочери, и Екатерина осталась в стенах монастыря.

Согласно изданным еще в 1890 году «Воспоминаниям об инокине Елене», ее подвижническая жизнь была сопряжена многими скорбями, испытаниями и гонениями. Труден и поистине тесен путь ко спасению; Елене Бехтеевой пришлось терпеть порой не только нравственные унижения, но и всякого рода лишения: и голод, и жажду, и нужду. В 1817 году подвижница святости и благочестия была принята во Флоровский монастырь города Киева, где и почила 23 марта 1834 года. В течение 50 лет возила она, вынужденная неоднократно менять места

проживания, вместе с собой гроб, который приготовил некогда святитель Тихон Задонский, завещав в нем быть похороненным.

Как сказано в житии святителя Тихона Задонского, «*за четыре или за пять лет до смерти у него (свт. Тихона — В. Н.) был приготовлен гроб, обитый черной фланелью; на крышке сделан был крест из белой нитяной тесьмы. Гроб этот стоял у него в чулане, близ спальни. Всякий день он смотрел на него и, оплакивая падение человека, говорил нередко: "до чего довел себя человек, что как скот зарывается в землю, будучи сотворен от Бога непорочным и безсмертным"*». Святитель Тихон завещал похоронить себя в этом гробе в одежде малого архиерейского облачения. Однако Воронежский епископ Тихон III прислал из архиерейской ризницы для облачения тела святителя в «пристойную одежду» полное архиерейское облачение. Между тем, гроб, изготовленный святителем для себя, оказался для святителя в новых одеждах «короток». Поэтому «Елецкие купцы сделали новый гроб, обитый черным гласом и обложенный мишурным белым газом», в который и положили усопшего святителя. Так, неисповедимыми Божиими путями та рукотворная погребальная храмина, изначально приготовленная святителем для себя, досталась инокине Елене (возможно, через родственника своего Никандра, любимого ученика епископа Тихона Задонского). Через пятьдесят лет, согласно последней воле подвижницы, похоронена она была в святительском гробе. Могила инокини Елены сохранилась и поныне и очень почитаема среди верующих. На надгробной плите ее высечена надпись: «**Здесь покоится инокиня**

Инокиня Елена
(в миру Екатерина Бехтеева).
Похоронена в Киевском
Свято-Флоровском женском монастыре
во гробе святителя Тихона Задонского

Елена, а в мире Екатерина Алексеевна Бахтеева (*непонятное искажение фамилии праведницы! — В. Н*), **генеральская дочь, скончавшаяся на 78 году жизни, прожив в монастыре 60 лет. Умерла 1834 года марта 23 дня. Похоронена во гробе святителя Тихона Задонского, который у нее сохранялся 50 лет**».

Интересна судьба бехтеевского фамильного храма во имя преподобного Сергия Радонежского в с. Липовка. Строился он еще Алексеем Ивановичем Бехтеевым. Активное участие в том строительстве принимал сам святитель Тихон Задонский. Согласно мемуарам А. А. Бехтеева (родного брата поэта), однажды святитель Тихон, чтобы посмотреть, как идет строительство, пришел в Липовку из Задонска пешком.

Один из рабочих-строителей, увидев бредущего по дороге святого, сказал своим товарищам: «Смотрите, архиерей... Ходит тут, шатается без дела!..» Когда святитель Тихон приблизился к рабочим, все подошли брать благословение, в том числе и тот острый на язык строитель. Когда он подошел к святителю Тихону и сложил руки для принятия благословения, тот вдруг сказал: «А ты зачем подходишь к тому, кто шатается здесь праздно?» Незадачливый острец тут же упал на колени и стал просить слезно прощения, которое, конечно же, получил, как и урок, о котором, вероятно, помнил всю свою оставшуюся жизнь. Так вот, храм тот в селе Липовка (не иначе как по молитвам святителя Тихона) уцелел в годы лихолетий, но не восстановлен до сего времени. Потому хочется призвать всех, кому дорога священная память святителя Тихона и русского поэта Сергея Бехтеева, оказать посильную помощь для восстановления гибнущей святыни.

В. НЕВЯРОВИЧ

СВЕЧА ГОРЯЩАЯ

Святитель Тихон Задонский

Человече! что свеча горящая пред тобою, то пред тобою житие твое. Чем свеча более горит, тем более умаляется: так ты, чем более живешь, тем более сокращается житие твое. Догорает свеча, и погасает: так оканчивает человек житие свое, и умирает. Как погаснет свеча, то кажется, как бы ее не было: так, когда умрет человек и погребется, кажется, как бы и не был. Видишь, человече, что есть человек, и что есть житие его. Поминай убо, что так и житие твое погаснет, как видишь погасшую свечу, и заранее готовься к кончине твоей, да блаженно скончаешься. *Скажи ми, Господи, кончину мою, и число дней моих кое есть, да разумею, что лишаюся аз? Се пяди положил еси дни моя, и состав мой яко ничтоже пред Тобою: обаче всяческая суета всяк человек живый. Убо образом ходит человек, обаче всуе мятется: сокровиществует, и не весть, кому соберет я* (Пс. 38, 5—7).

Толкование на Евангелие от Матфея

Избранные главы

Блажени плачущии... Блажени кроции... Блажени алчущии и жаждующии правды...

(глава 5, зачало 10)

Кто познал свою нищету духовную, тот непрестанно видит пред собою грехи свои, видит и плачет о них, плачет непрестанно. Вот почему Христос Спаситель после нищих духом ублажает плачущих: *Блажени плачущии* – не те, которые плачут плачем неутешным о смертной разлуке с близкими людьми или о потере земных сокровищ или почестей каких; не те блаженны, которые сами навели на себя горе и беду – нет, блаженны только те, которые плачут о грехах своих, да и не о своих только, но и о чужих. Как прекрасна была душа человека прежде грехопадения Адамова! Она сияла богоподобною чистотою, как светлый образ Божий, правда, мир и радость преисполняли сердце человека.

Но увы, грех лишил нас этой радости, этого мира душевного. Он исказил в нас образ Божий и удалил от Бога. Как же нам не плакать слезами сердечного сокрушения? Сия-то *печаль по Бозе* – печаль о разлуке с Богом и соделывает в нас покаяние во спасение, она то и ведет нас к Богу. А кто любит ближних своих, тот не может не печалиться и об их грехах. Так скорбел Моисей, когда израильтяне поклонялись золотому тельцу; так плакал пророк Иеремия над развалинами Иерусалима; так плакал Сам Спаситель, предвидя беды разрушения Иерусалима. Вот такие-то плачущие воистину блаженны, ***яко ти утешатся***, – утешатся и здесь, и там. Как после сильного дождя обыкновенно бывает ясная погода, так и после слез наступает радость и спокойствие души.

Царь Давид на всякую ночь слезами измывал ложе свое, но таким образом сея слезами сокрушения сердечного, он радостью пожинал и благодатное утешение. Неутешно плакала грешница у ног Христовых и услышала: *отпущаются тебе греси твои*. Горько плакал Петр после своего отречения, и Господь явился ему в первый же день

Блаженны плачущие, ибо они утешатся

по воскресении. Так Господь утешает еще здесь плачущих о грехах своих.

Но что может сравниться с той радостью несказанною, которая ожидает их там, на Небе, в Царствии Небесном? О, как дивно милосердие Господа нашего! Человек плачет о грехах своих; для утешения его довольно было бы даровать ему прощение. Но Господь дарует ему еще и блаженство в Царстве Небесном, где Сам Он, Милосердый, отрет всякую слезу от очей его. «А когда Бог утешает, – говорит святой Златоуст, – то хотя бы тысячи горестей с тобой случились, все победишь».

Если кто спросит: «Как научиться сему душеполезному плачу?», святой Исаак Сирин отвечает на сей вопрос: «У кого лежит родной мертвец перед глазами, того нужно ли учить плачу? Перед тобою лежит душа твоя, умерщвленная грехами, она для тебя дороже всего мира: ужели не будешь плакать о ней?» И были такие рабы Божии, которые всю жизнь свою проводили в слезах покаяния; одному из них во сне явился Сам Господь и спросил: «О чем ты так плачешь и скорбишь?» – «Как же мне не плакать, когда я столько оскорбил Тебя, Господи?» – отвечал он. Тогда Христос Спаситель положил руку Свою на сердце его и сказал: «Не скорби, поелику ты сам оскорбил себя, за это Я не оскорблю тебя. Я ради тебя кровь Свою пролил, а потому и помилую тебя, как и всякую душу кающуюся...»

Кто искренно сокрушается и плачет о своих грехах, тот считает себя достойным всяких бед и скорбей, и потому с радостью встречает всякое огорчение. Он никого не обижает, ни на кого не гневается; всех он любит, всем старается угодить, даже обидчиков своих всячески старается успокоить. «Бог с ними», – говорит он, – я еще не того стою по грехам моим». И он благословляет ненавидящих его, молится за врагов своих, как за своих благодетелей и лучших друзей. Он скромен и дружелюбен во всех поступках, молчалив и сдержан в словах. Такое расположение духа называется кротостью. Это не то, что мягкосердечие, которое может доводить человека до равнодушия ко всему: первосвященник Илий и сам погиб, и детей погубил такою кротостью. Не тот кроток, кто вовсе не способен гневаться, а тот, кто чувствует движение гнева, но укрощает его, побеждает себя. Такая кротость есть плод истинного смирения и сокрушения о грехах.

«В кротких сердцах, – говорит святой Иоанн Лествичник, – почивает Господь, а мятежна душа седалище диавола». Кроткий человек во всем полагается на Бога и среди тяжких испытаний, подобно Иову, благословляет имя Господне. Вот почему Сам кроткий и смиренный сердцем Господь Иисус Христос и ублажает таковых людей: ***Блажени кротции: яко ти наследят землю***. Когда Господь давал сию заповедь, всею вселенною владели язычники неверные; долго и жестоко они потом гнали, мучили, убивали христиан, христиане страдали и терпели, за зло добром платили,

молились за врагов и – победили. Вся вселенная теперь, можно сказать, во власти христиан. Так сбылось на кротких Божественное слово Христово. Сбывается оно и теперь: кроткого человека и Бог любит, и добрые люди. Случись какая беда – ему скорее окажут помощь, чем человеку гордому и сварливому. Сам Бог говорит: *на кого воззрю, токмо на кроткого и молчаливаго, и трепещущего словес Моих?* Значит, кроткий человек находится под особым Божиим попечением. Христос обещает им в наследие землю: Он ли не в силах исполнить Свое обещание? Но если бы, по неисповедимым судьбам Его, ты и лишился чего-нибудь, и тогда не унывай: не об этой только тленной земле говорит Господь. Он обещает кротким и ту *землю живых*, на которой праведники *вселятся во век века*, ту новую землю, где вечно живут и не умирают. Вот где находится истинное, неотъемлемое наследие кротких – в вечном Царстве Отца Небесного. Там и ты, кроткий христианин, найдешь сторицею больше того, что здесь потеряешь.

В житиях святых Божиих можно читать много трогательных примеров их кротости и незлобия. Каждый из них готов был сказать своему обидчику, как святитель Тихон сказал ударившему его по щеке вольнодумцу: «Прости меня Бога ради, что я ввел тебя в такое исступление...»

Чем больше душа познает свои грехи, тем больше человек видит, что пред очами Божими *не оправдится всяка плоть*, что вся правда наша – то же, что рубище нечистое пред Ним, а между тем совесть требует исполнения закона, душа алчет и жаждет оправдания пред судом правды Божией – так же, как голодный алчет хлеба, жаждущий – воды. И вот из глубины сердечной исходит воздыхание ко Господу: *Аще беззакония назриши, Господи, Господи, кто постоит? Не вниди в суд с рабом Твоим, яко не оправдится пред Тобою всяк живый!* О как счастливы те, у кого есть эта благодатная жажда! И Христос Спаситель говорит: ***Блажени алчущи и жаждущии*** – блаженны не те, которые алчут хлеба и жаждут воды: ибо вкушение хлеба и воды еще не есть блаженство; блаженны не те, которые алчут земного счастья, почестей, богатства, суетного, ненужного знания: не в этом состоит блаженство души человеческой, – *блажени алчущии и жаждущии* ***правды*** добродетели, исполнения Христовых заповедей, оправдания пред Богом. Не сказал Господь просто: ищущие, но – алчущие и жаждущие, то есть, те, которые с усилием ищут Божией правды, ищут в себе самих, а потом всячески стараются, чтобы и все люди жили по правде Божией, по закону Христову.

Воля Божия – вот та пища, которой алчут они. Об этой пище сказал Господь: *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя.* Но сию правду – волю Божию можно знать только из слова Божия, а посему и слово Божие есть нетленная пища души, по слову Самого Господа: *не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем изо уст Божиих.* А чтобы исполнить волю Божию, мало знать ее: надо еще иметь и силы для исполнения. Сии благодатные силы подаются в таинствах Церкви, а потому блажени алчущии и жаждущии того хлеба и того питья, о которых Христос говорит: *Аз есмь Хлеб животный, плоть Моя истинно есть брашно, и кровь Моя истинно есть пиво; приимите, ядите, сие есть тело Мое, – пийте от нея,* – от чаши Божественного причащения, вси, – *сия есть кровь Моя.* Сей Хлеб небесный воистину укрепляет сердце человека и делает его способным к исполнению заповедей Божиих.

Но человек все же немощен; да если бы он и все повеленное исполнил – это было бы только исполнение долга, а не заслуга, и потому вся надежда на оправдание его пред судом правды Божией должна быть во Христе Спасителе, с Которым человек соединяется в причащении пречистых и животворящих Его Таин. Так сбывается на нем слово Христово: *блажени алчущии и жаждущии правды,* ***яко тии насытятся.*** – Насыщаются отчасти и здесь, в настоящей жизни, укрепляясь благодатию Христовою, но совершенно насытятся там, в жизни будущей, как говорит Давид: *насыщуся, внегда явитимися славе Твоей. И не взалчут ктому, ниже вжаждут.*

ТРОИЦКИЕ ЛИСТКИ.
ТОЛКОВАНИЕ НА
ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ.
(печатается в сокращении)

Адамов плач

Адам по изгнании из рая болел душою и много слез проливал он от скорби. Так всякая душа, познавшая Господа, скучает по Нему, и говорит: «Где Ты, Господи? Где Ты, Свете мой? Почто скрыл лицо Твое от меня, и душа моя долго не видит Тебя, и скучает по Тебе, и слезно ищет Тебя».

«Где Господь мой? Почто не вижу Его в душе моей? Что мешает Ему жить во мне? Значит нет во мне Христова смирения и любви к врагам».

Бог есть ненасытная любовь, и описать ее невозможно.

Ходил Адам по земле и от многих болезней сердца своего плакал, а умом помышлял о Боге, и когда изнемогало тело его и не мог он уже проливать слезы, то дух его и тогда горел к Богу, ибо не мог он забыть рай и красоту его; но еще больше душа Адама любила Бога и влеклась к Нему силою самой любви...

О Адам, отец наш, пропой нам песнь Господню, чтобы слышала вся земля, и все сыны твои подняли умы свои к Богу, и усладились звуками небесной песни, и забыли горе свое на земле.

Преподобный Силуан Афонский

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Беседа 27

Из воспоминаний схимонахини Елисаветы

(часть 3)

Исцеление сестры

Расскажу, как Батюшка исцелил мою родную сестру.

Она была намного старше меня и знала отца Виталия очень давно. После того, как Глинскую пустынь закрыли, сестра осталась жить в Таганроге, подвизалась, бывала и в пустыне в горах у отца Виталия. А потом как-то незаметно отошла от него и целых десять лет не виделась и не общалась с Батюшкой. И вот видится ей однажды во сне, будто идет отец Виталий ей навстречу и говорит:

– Я тебя так долго жду! Сколько же ты будешь спать?

Она у него спрашивает:

– А сколько я сплю?

– Десять лет...

Сестра проснулась и решила: «Я должна увидеть отца Виталия». А когда она приехала в Тбилиси и подошла к храму, Батюшка вышел к ней навстречу с цветами.

Потом мы все вместе сидели на клиросе и беседовали. Батюшка разговаривает с сестрой, а сам то по коленке ее погладит, то к плечу прикоснется... Потом поднялся (мы все сидели на полу) и сказал: «Я сейчас приду», – и ушел в алтарь. А сестре захотелось по нужде. Когда она вернулась, то сказала отцу Виталию, что из нее вышло что-то, похожее на яйцо.

– Ой, Батюшка, что же это?..

Он ответил:

– Это было сделано «на смерть». Пойди к батюшке... – назвал имя священника, который тогда отчитывал болящих, – пусть вычитает.

Отец Виталий по своему смирению часто применял такой прием: исцелив человека, посылал его потом или на отчитку, или к Владыке, или к отцу Андронику – что, мол, они скажут делать? А после всегда говорил: «Это батюшка Андроник помолился». Или: «Это произошло по Владыкиным молитвам». Но, конечно же, никогда не говорил: «Это я».

«Я стараюсь быть всем послушником»

Батюшка по своему смирению был в послушании у всех, а не только у Владыки Зиновия и отца Андроника. Помню, как-то после службы выбегает он из пономарки и собирается нас благословлять. А мать Мария стоит на пороге и кричит ему:

– Виталий, тебя Владыка ждет на трапезу – нет тебе благословения!» – т.е. нет ему благословения нас благословлять.

Он быстро поклонился нам и побежал дальше.

Батюшка говорил: «Я стараюсь быть всем послушником». Однажды прибавил: «Не надо, чтобы люди к нам приходили, кланялись и чтили нас. А наоборот: нам нужно служить людям – всем кланяться, всем руки целовать». И всегда, когда и кто бы к нему ни приходил, он тут же кланялся до земли, начинал целовать им руки, ноги. Получалось у него это совершенно естественно – таково было его устроение. Всех считал старшими себя – у него все были «папы» и «мамы».

Отец Виталий был очень смиренным. Вплоть до того, что всегда сидел на полу: или «на пятой точке», или подогнув одну ногу под себя. Схимонахиня Михаила както сказала:

– Все батюшки сидят на стульях, на кроватях, на диванах, а отец Виталий всегда сидит на полу, чтобы не было, куда падать.[1]

Благодатная трапеза

Помню, когда мы у отца Виталия садились за трапезу, он всегда заставлял мать Марию подавать еду (суп, борщ или кашу) в одной большой миске – чтобы не брезговали, а ели все вместе. Воспитывал в нас братскую любовь друг к другу. Но если уж людей собиралось очень много, тогда разрешалось поставить две миски: на один конец стола и на другой.

Когда у Владыки случались какие-нибудь торжества и к нему на трапезу собирались архиереи, священники или Глинские старцы – отец Андроник, отец Виталий, отец Серафим, отцы Власий, Исаия, Филарет, Вениамин... – мы всегда старались после них что-нибудь доесть: ведь во время трапезы все они молятся (а представьте, какие столпы сидели за столом!), значит, и пища уже становится духовной. Отец Виталий говорил: «От трапезы исходит благодать особая...»

Вот разойдутся все священнослужители, Лида открывает нам дверь: «Ну, заходи!» Мы забегаем, садимся и начинаем кушать. Особенно нас радовало, если после кого-то оставались кусочки хлеба: ведь хлеб – это значит благодать. Но что характерно: физические свойства у духовной пищи не такие, как у телесной. Едим мы – кажется, что наелся досыта, живот полный и «уже некуда», а стоит только выйти из-за стола – куда что девалось? Проходит совсем немного времени, и снова чувствуешь себя голодным.

Отец Виталий всегда старался нас духовно поддержать и очень часто кого-нибудь «кормил», но люди этого не понимали и начинали стесняться и отказываться. Тогда Батюшка, несмотря на свой больной желудок, принимался есть все это

---

[1] Сказано в переносном, духовном смысле: чем выше вознесется человек гордыней, тем ниже упадет он *(прим. ред.)*.

сам. Как-то он обмолвился: «Они не понимают... А потом, когда сам начинаю кушать, отбирают у меня: чувствуют, что мне это не под силу».

Как-то пришла я к отцу Виталию, а дома перед этим плотно поела. Захожу – там сидят приехавшие недавно сестры и Батюшка их угощает: «Кушайте, кушайте», – а они отказываются. Он увидел меня и говорит: «Ты смотри – не хотят, стесняются!.. Вот тебе за послушание все это съесть». А для них, помню, приготовили пять больших кусков жареной рыбы, семь яиц, помидоры, сыр, пачку масла... Матери Марии кто-то сказал – она подошла: «Виталий, ты хоть масло ее не заставляй!» Я все это ем, а сестры сидят, мне сочувствуют: «Отец Виталий, благослови, мы ей поможем?» Он говорит: «Ага, не хотели кушать – теперь пусть она сама все это ест!» Хлеб тогда пекли круглый и очень большой, и вот Батюшка отрезал мне огромный кусок – я с трудом съела. Он спрашивает: «Еще отрезать?» Я, памятуя, что хлеб – это благодать, отвечаю: «Ну, как благословишь, отец Виталий»...

Неискушенный человек, глядя на меня, наверно, соблазнился бы: «Как это в нее столько лезет – в три горла что ли ест?» А я вышла из-за стола, дошла до метро – и уже голодная. Вот что такое духовная пища и что такое благодать. Тело как бы не принимало участия во всем этом, а душа чувствовала освящение после трапезы. Да еще какое – ликования столько! Это радость необъяснимая: летишь потом, как на крыльях. Какие там обиды, неприятности на работе?!... – ни на что уже не обращаешь внимания, все моментально забывается.

«Чтобы страсти и гордость свою смирять»

...Приходим, бывало, к отцу Виталию – он говорит: «А у нас борщ есть». А потом опять: «А у нас борщ есть. Только он у нас с грибами. С грибами буду кушать я, а без грибов – вы». Под грибами Батюшка подразумевал плесень. Когда мать Мария уезжала в Россию, она оставляла отцу Виталию много еды. А так как кушал Батюшка очень мало, то суп или борщ мог простоять в холодильнике, скажем, месяц, после чего он оказывался «с грибами». И вот, когда мы приходили, отец Виталий нам подавал хорошую пищу, а сам принимался «спасать» пропавшее.

Когда мать Мария была дома, она заботилась, чтобы отец Виталий хорошо питался. Но много кушать он был не в состоянии и, чтобы не расстраивать ее, поручал съедать мне большую часть из того, что она ему приносила. Мне, как врачу, благословлялось ежедневно – хоть на полчаса, хоть на несколько минут – заходить к Батюшке. Пищу до моего прихода отец Виталий прятал в тумбочке. И лишь только мать Мария выходила из комнаты, Батюшка тут же доставал все, что оставалось от его обеда (а оставалось довольно много), и ставил передо мной. Причем он частенько в одной тарелке смешивал и борщ, и тушеную капусту, и ткемали[2], туда же клал помидоры, огурец, редиску, зеленый лук и все вместе ел. Он говорил: «Это – чтобы страсти и гордость свою смирять...»

У отца Виталия была нулевая кислотность, и он пил пепсин, а чтобы принимать его не все время, ему приносили ткемали. Исходя из этих же соображений, он частенько специально «проквашивал» себе еду и ел прокисшее, чтобы меньше принимать пепсин. Но мне давал доедать все только хорошее.

Правда, когда в тарелке лежит, например, жареная рыба с вареньем, а вместо хлеба – пирожки с повидлом, «помогать» Батюшке было для меня все равно не так уж и просто: я пищу туда – она обратно, я стараюсь есть побыстрее – не получается. Отец Виталий ходит в это время по комнате, что-то мне рассказывает, но потом не выдерживает: «Скорей кушай! Ну, искушение! Что ты так медленно ешь? Сейчас сестра Мария зайдет и увидит, что ей не нужно!»

Он хотел служить людям во всём

Батюшка тайком, потихоньку раздавал очень многое из той снеди, какую приносила ему мать Мария. Зная об этом, матушка начала портить внешний вид овощей и фруктов, чтобы отец Виталий не смог их никому отдать и вынужден был съесть все сам: например, просверливала дырочки в яблоках, грушах и помидорах, резала на дольки апельсины, чтобы их нельзя было незаметно вынести из комнаты в кармане и т.п. На что Батюшка неподдельно возмущался:

– Посмотри, – обиженно говорил он, – что делает сестра Мария! Это ж всё вот так не растет? Не растет! И на рынке так не продается!

Но Батюшка умудрялся раздавать даже и такие продукты.

А помню, если отцу Виталию что-то давали, он, чтобы отблагодарить того, кто давал, и смирить себя, обычно говорил:

– О! У батюшки-царя такого не было!

Скорбные притчи. Ценить дар Божий

До меня уже, наверно, кто-нибудь рассказывал, что отец Виталий ел из мусорных ведер. Но не все понимают, почему он это делал. Бывает, некоторые и соблазняются. А соблазняться нечего: своим поведением Батюшка предсказывал, что нам предстоит питаться с мусорок. Сейчас[3] в Тбилиси основное население вымерло, а оставшиеся, даже интеллигенты – профессора, акаде-

Храните память смертную, принося покаяние, творя Иисусову молитву, всех любя, милуя, прощая, соболезнуя, сострадая и не осуждая, и Господь возлюбит и простит.

Из писем схиархимандрита Виталия

---

[2] Ткемали – густая, концентрированная жидкость, приготовленная из кислой алычи *(прим. ред.)*

[3] Было записано в 1999 или 2000 году *(прим. ред.)*.

мики – подходят и роются в мусорках в поисках пищи. Когда я приезжаю в Россию и начинаю об этом рассказывать, мне не верят – не дошло еще до сознания людей, что в Грузии такой голод. А в грузинских моргах лежат люди весом по 38 килограммов! Но Америка по телевидению вещает, что «...настоящего голода в Грузии пока еще нет...»

А отец Виталий нас заранее об этом предупреждал:

Он говорил:

– Я проверяю ведра... Выбрасывают хорошую пищу! А ведь за это отвечать придется!

Допустим, сварили яйца, а одно из них треснуло – кто-то взял и выбросил. Откусили кусочек от кекса – не понравился; доедать не хочется, а оставить надкусанным стыдно – и тоже потихоньку выкидывают. Бывало, зелень сильно обрезали или еще какой-то подобный случай... – Батюшка выбирал это все из ведер и показывал мне:

– Вот видишь: выбрасывают. А как за это думают отвечать?

Праздники

У нас было заведено на второй день Рождества и Пасхи после вечерни обязательно поздравлять Владыку Зиновия, отца Андроника, отца Виталия... Ну, я, правда, батюшку Андроника в живых уже не застала, а вот к отцу Виталию с сестрами ходила. Мы пели тропарь и кондак праздника, праздничные песнопения, псалмы. Если было Рождество, то непременно прибавлялись колядки, устраивалось представление в картинках: показывали царя, волхвов, пастухов... Это рождественское поздравление называлось «христославить». Потом христославов обязательно приглашали на трапезу. Когда все усаживались за стол, Батюшка Виталий всегда пристраивался с краю, чтобы принимать у приносящей сестры и раздавать остальным тарелки с едой – даже и здесь спешил каждому услужить. Нарезанный хлеб сам старался всем раздать. Попутно он учил нас:

– Что бы ты ни несла, подходя к столу, должна сказать: «Молитвами святых отец наших, Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас». А принимающий – ответить: «Аминь».

После праздничной трапезы Батюшка обязательно всем раздавал подарочки: кулёчки с конфетами, отрезы материала, конверты с денежкой, иконочки... Выходили мы всегда от Батюшки радостные, окрыленные.

По образу святых отцов

На Дидубе был такой порядок: шли ли мы на трапезу или с трапезы, на послушание или в храм – мы всегда и на все брали у Батюшки благословение. Когда что-то делали во дворе или в комнатах, то, конечно, на всякую мелочь благословляться каждый раз мы к нему не бегали. А, если сидели с отцом Виталием все вместе и он что-то нам рассказывал, какое-то поучение говорил, мы не имели права даже встать без благословения – всегда спрашивались, хотелось ли нам выпить воды, пойти по нужде или выйти на зов матушки Марии. «Отец Виталий, благослови!» Он или головой качнет, или рукой благословит – значит, можно.

Поучения и объяснения

Отец Виталий нередко поучал нас, объяснял, что и как надо делать, говоря: «Посмотришь – ведь вы не умеете ни правильно креститься, ни молиться! А люди будут считать, что раз вы чада отца Виталия, то должны всё знать, а вы ничего не знаете...»

Батюшка очень чтил церковные праздники, говорил: «Если вы в праздники работаете, это все равно, что вы Господу или Матери Божией в лицо помои выбрасываете».

Помню, кто-то спросил: «Батюшка, а как же так: ведь отец Серафим жил святой, духовной жизнью – и целый год умирал?» Отец Виталий это нам так объяснил: «Они с Владыкой друг друга очень любили, и сердце Владыки могло не выдержать, если б сразу. А Господь дал ему время, чтобы смириться с потерей духовного брата. Владыка тоже не сразу отходил – это уже для нас было дано».

Батюшка был очень бережливым и аккуратным. У него не пропадал даже самый маленький листочек бумаги – если на нем еще возможно было что-то написать, отец Виталий его использовал. И очень «гонял» нас за расточительность: «Если бы вы только могли представить, как за все после смерти отвечать придется! Если бы знали, какой ответ надо будет держать за пищу, так вы бы пшеничного зерна не выбросили! Если бы знали, как придется отвечать за одежду, то ходили бы в рубище!»

Вспоминается, как Батюшка рассказывал нам об одежде: он говорил, что нет такого, чтобы подрясник шился «на мужскую» или «на женскую» сторону – как мы крестимся, справа налево, так и одежду носим. А все другое – это уже люди с подсказки врага выдумали, это вражье наваждение, чтоб отличиться или превознестись друг над другом. Отец Виталий рассказывал, что, будучи в пустыне, братья перешивали пуговицы на фуфайке с «мужской» стороны на «женскую».

Дар слова

Если Батюшка просил ему что-то рассказать, а человек начинал мямлить, запинаться или говорить «да я не знаю...», отец Виталий принимался его «пробирать»: «Да что ж вы такие косноязычные?! Даже не можете ничего толком объяснить! Надо же воспроизвести в памяти и описать как следует!»

Сам Батюшка мог настолько красочно все изобразить, что казалось – видишь предмет или события, о которых он рассказывает, своими глазами. Наверно, любой летописец или писатель позавидовал бы его слову.

Как-то попросил он одну сестру, что работала судовым врачом, описать, какое бывает море. Она ответила:

– Да что рассказывать? Море и море.

Батюшка не удовлетворился таким ответом:

– Что ж ты даже объяснить не можешь как следует? Ну представь себе: вот такие волны, вот такого цвета, вот так идут, вот такой закат, вот такого цвета море в бурю бывает, а вот такое – в ясную погоду... Ведь так?

Она удивленно посмотрела на него:

– Да, правильно!..

– Так почему ж ты мне об этом не рассказываешь? Ведь я же на море не был – это ты там была...

Молитва

Батюшка старался приучить нас, чтобы мы меньше между собой разговаривали, а больше занимались Иисусовой молитвой. Вот соберется несколько сестер вместе на одном послушании – как не посудачить? Начинаются разговоры, обсуждение новостей... Отец Виталий заходит с четками:

– Искушение! О чем можно говорить, кроме «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного»?!

Батюшка говорил, что с 12-ти до 3-х ночи небо открыто и в этот момент идет самая сильная молитва.

Благословлял читать «Богородице Дево, радуйся» каждый раз, когда бьют часы, потому что этот момент – воспоминание о Страшном суде.

Поучал нас, что на свою молитву никогда не надо уповать и надеяться, а всегда нужно прибавлять «молитвами отца нашего духовного...» или «...матери духовной...». И рассказывал случай, как в монастыре отец Серафим (Романцов) послал его на послушание куда-то в сарайчик. Отец Виталий подходит, а на двери сидит бес. Батюшка перекрестил себя и его – нечистый хохочет. Сотворил молитву и снова его перекрестил – враг опять хохочет! Тогда отец Виталий наложил крестное знамение со словами: «Молитвами отца моего духовного Серафима изыди вон», – и лукавый тут же исчез, с досады пригрозив: «До гробовой доски, до последнего вздоха я тебе не дам покоя!..»

Труд

Отец Виталий не терпел праздности. Он часто говорил: «Христианин должен трудиться до гробовой доски».

Многие считали, что монашествующим не положено работать на государство. Да и по уставу монах и, тем более схимник, освобождаются от послушаний. И даже в келье имеют полное право пользоваться услугами келейника. Но Батюшка думал иначе: он всегда стоял на позиции «послушание и работа». И приводил примеры: «Сколько было профессоров и академиков, о которых только после смерти узнали, что они были монашествующими, а как они трудились! Это были настоящие подвижники!» И такое мнение бытовало у всех Глинских старцев.

Одинаковая точка зрения была у них и о получении пенсии. Если сестра говорила: «Я пенсию не буду брать», – батюшка Андроник, отец Виталий или кто-то еще из Глинских поучал: «Ну, начнешь ты побираться или на людей работать – тебе кто копеечку даст? Та же пенсионерка, которая получит пенсию и из нее тебе денежку выделит. Так почему же ты не должна получать пенсию?»

Старцам нельзя прекословить

Помню, отец Виталий учил меня, что все нужно делать по благословению, даже если ты точно знаешь, что в данном случае нужно поступить так, а не иначе. Он говорил:

– Допустим, ты как врач понимаешь, что Владыке надо сделать укол или капельницу. Но ты, однако же, спроси: «Владыко, а как Вы благословите?» И помни, что старцам нельзя прекословить и настаивать на своем.

Некоторым из наших сестер-медиков было очень трудно переступить эту черту, перешагнуть свою внутреннюю гордость, и они возмущались: «Я же все-таки врач и понимаю, что мне надо делать и как лечить! А меня, значит, как доктора ни за что считают?!» А здесь был совершенно другой смысл – духовный.

Когда Батюшка серьезно заболел, я, помня его наставления, постоянно спрашивала:

– Отец Виталий, благослови укол тебе сделать? Отец Виталий, когда благословишь тебе капельницу поставить?

А он частенько отвечал: «После». Или: «Я потом тебе скажу». И приходилось ждать, хотя знала, что ждать уже нельзя.

Позже, когда Батюшка уже умер, многие меня поносили и укоряли за это: «Как ты могла?!»

По молитвам Батюшки

Ежедневно заходя к отцу Виталию после работы, я всегда благословлялась у него перед тем, как идти домой. Помню, однажды осенью, за несколько месяцев до Батюшкиной смерти, я как всегда взяла у него благословение, но не пошла в тот вечер сразу к себе, а отправилась проведать одну рабу Божию, чтобы сделать ей массаж – у нее был перелом позвоночника. Сижу с ней, вдруг заходит ее сын и начинает что-то развязно говорить. Потом достает из кармана ножик, раскрывает и, помахивая им перед моим носом, спрашивает: «А жертву можно сейчас приносить?» Оказалось, что он – наркоман и принял недавно, как видно, изрядную «дозу»...

Настроение в тот вечер у него менялось непрерывно: он то падал на колени и принимался просить прощения, то снова «входил в раж» и начинал кривляться и угрожать мне ножом. Женщина, лежа на своей кровати, принималась уговаривать его. Он утихомиривался, но ненадолго. Так продолжалось до глубокой ночи. Он все время стоял или ходил около двери, и я не могла выбежать из квартиры. На окнах были решетки. Я думала: «Господи, как же выбраться?» Читала «Живый в помощи», но страх у меня почему-то отсутствовал, голова была совершенно ясная. Потом начала мысленно просить: «Отец Виталий, помоги! Если он будет мучить, я могу не выдержать и повести себя неподобающим образом. Помоги!» Вдруг наркоман развернулся и пошел в туалет. Я дождалась, пока за ним закроется дверь, и тихонько выскользнула из квартиры.

Было два часа ночи. Я сама не заметила, как добралась до дома. Что интересно: в ту пору – во времена Гамсахурдии – с одиннадцати вечера до шести утра у нас был комендантский час, но меня почему-то никто не остановил.

Когда я пришла в свою квартиру, меня вдруг начало «колотить» от всего пережитого. Сразу навалился страх, слабость, мысли спутались. Я легла на кровать, достала свою мантию и укрылась ею с головой, чтобы хоть немножко прийти в себя. Не могла опомниться после этого случая в течение трех суток. Верю, что только по молитвам Батюшки я осталась в тот вечер жива.

Лариса

Ей Батюшка при жизни много предсказывал, и все исполнилось в свое время. Когда она только пришла к нему с сестрой Раисой, он ей сказал: «Сестра Лариса, ты будешь такая – едва ли кто тебя узнает». Она была очень худой, и мы с Раисой над ней смеялись: «Насколько ж ты, Лариска, тогда похудеешь, что изменишься до неузнаваемости?» А впоследствии у нее была саркома, на лице шишки – перед смертью она, действительно, была неузнаваема.

Еще, помню, Батюшка ее как-то спросил:

– Сестра Лариса, если бы ты Илию пророка увидела, ты его узнала бы?

Она ответила:

– Почему ж не узнать? Конечно, узнала бы! – и среди сестер прошел слух, что Лариса должна дожить до последних времен и увидеть пророка Илию, когда он придет проповедовать.

Лариса очень боялась смерти. Она всегда нам говорила:

– Ну, как это вы не боитесь смерти?! Когда вы говорите о ней, у меня аж мурашки по телу ходят! Я уж и Батюшке об этом говорила: «Отец Виталий, помолись, чтоб я так не боялась смерти». А он ответил: «Да ты, Лариса, не бойся – ты даже не поймешь, как ты умрешь, не почувствуешь».

А незадолго до своей смерти он сказал ей:

– Сестра Лариса, мы с тобою очень быстро отойдем.

И умерла она через девять месяцев после смерти отца Виталия. Умерла легко. Я зашла к ней из храма после службы – она сказала: «Мне плохо...» – и потеряла сознание. Я уложила ее в постель – она пришла в себя. Позвала ее по имени: «Лариса!» Она откликнулась, потом глазами повела – по всей вероятности, увидела что-то. И скончалась.

Раиса тогда говорила:

– Ну вот! Не все предсказания отца Виталия исполняются!

Я спросила у нее:

– А что не исполнилось?

– Да отец же Виталий сказал, что Лариса должна была встретиться с Илией-пророком! Разве она встретилась?

– А умерла-то она когда?!

День ее смерти пришелся как раз на 2 августа...[4]

---

[4] 2 августа (20 июля по ст.ст.) Церковь празднует память св. славного пророка Божия Илии *(прим. ред.)*.

Из писем схиархимандрита Виталия

Радосте наши Марионилла, Нина и вся святая обитель!

Святой Серафим Саровский учит: помни первый день, как пришел во святую обитель – и так живи всю жизнь. Мы считали всех за ангелов, за святых. Если предоставлены самим себе, св. Сергий Радонежский учит: знай келию, послушание, святый храм.

Сами виноваты: и осудили, и соблазнились, и озлобились, (а ведь) огрызаться, не доверять, презирать, отказываться (от послушания) – все это за осуждение, и пришло отчаяние. Сказал духовник: терпи, увидевши – не осуди, а осудивши – возьми ремень, разденься донага и пори до крови (себя).

К кому обратиться? Иди ко Господу и говори свои недоумения, и к Матери Божией. На Святой Горе Афон умер игумен обители. Поставили икону Матери Божией и брали благословение, как у живой, два раза кланяясь до земли, целуя икону и третий земной поклон.

Все нужды и грехи говори, обращаясь ко Господу пред иконами. Безпрестанно читай: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную». Ежели нету времени читать святые книги, одно помни, что рек Господь пречистыми Своими усты: *научитеся от Мене, яко кроток и смирен есмь сердцем – и обрящете покой душам вашим.*

Святой Сергий был предоставлен самому себе – что же делал? Мало спал, почти не ел, молол муку, шил одежды, копал огород, садил, воду носил, дрова колол, хлебы и просфоры пек, братии аки Ангелам Божиим служил, а они не слушали его.

Видишь, ежели будешь себя хулить, пороть, все раздавать, телу покою не давать, грехи и помыслы утром и вечером Богу исповедывать, себя считать виновной, а всех – святыми, каждому при встрече делать поклон, молчать, нести послушание без ропота, себе ни в чем не верить. Жил один труженик, исполняя свое ремесло, плакал и мыслил: «Все спасутся в сем граде, один я погибну», – и был равный святому Макарию Египетскому, которому Господь открыл сего делателя, и через него святой получил урок назидания.

Знаешь, как жует корова жвачку: ничего нет, а она жует – нам пример. Златоуст говорит: жуй в мыслях помысл о смерти, твердя Иисусову молитву, укоряя, хуля и бия себя – и Бог будет с тобой, охраняя, обвеселяя, утешая Духом Святым.

Челом Вам, и Нине, и святой обители, целуя стопы ваша. Христос посреди нас, Ему слава. Аминь.

Храни сие письмо и Нине прочти: оно послужит на раны души живительным пластырем. Делайте, что сказано – и спасетесь.

О ЛЮБВИ И ЕДИНОМЫСЛИИ

Часть 3

Вопрос: *Что делать в случаях, когда начинается конфликт с ближним, и душа приходит в смущение? Как можно сохранить душевный мир?*

Ответ: Когда происходит потеря душевного мира – начинаем говорить с человеком на повышенных тонах или чувствуем, что внутри уже дуется какой-то «пузырь» (начинается смущение), тогда нужно поступать так, как читаем в Псалтири – «смутихся и не глаголах». Ведь начало смущения означает, что к нашей душе уже приступил диавол. Он внушает, что «терпеть такого безобразия никак нельзя, а потому сейчас нужно...» – и разворачивает перед нами целую «боевую программу» действий. Ощутив это, нужно срочно «жать на тормоза». И пусть при этом доводы ума будут очень убедительны – нужно помнить, что сохранить душевный мир, по слову преподобного аввы Дорофея, есть, условно говоря, семь восьмых, а сделать какое-либо, даже доброе дело, – одна восьмая.

Потому, осознав все это, нужно быть внимательным, чтобы не наделать различных глупостей в немирном состоянии. И нужно поставить себе правилом: в смущении ничего не решать. Конечно, это сразу не получится, но если будем стараться, то со временем, с Божией помощью, это войдет в навык.

Как только начинается смущение, надо сразу или замолкнуть, или еще лучше попросить у ближнего прощения. Лучше обвинить себя – даже если ты абсолютно не виноват в чем-то. С сознанием, что «прежде я сам в чем-то подобном согрешил и не покаялся, не исправился пред Богом в достаточной

степени, а потому сейчас, может быть, получаю возмездие за тот грех и потому должен молчать и каяться». И всеми силами постараться замолчать. Потому что надо знать, что это – время искушения, и враг обязательно устроит большую смуту даже из какой-нибудь ничтожной ситуации, если только продолжится разговор. И может совершиться большое бедствие.

К сожалению, насчет «большого бедствия» – вполне реально. Наверное, каждый знает примеры, когда разгневанные родители в порыве негодования изрекали проклятия на провинившихся детей, и дети потом жестоко страдали из-за этого в сердцах брошенного слова. Тем более опасно, если человек имеет сан епископа или священника. Один семинарист рассказывал такую историю. У некоего священника был очень строптивый пономарь. Однажды батюшка пришел в храм служить Литургию. И когда он совершал проскомидию, то сделал пономарю какое-то замечание, а тот его не послушал. Священник выговорил ему во второй раз. Пономарь его опять не послушал. Священник рассердился. Пономарь зашел в алтарь и вдобавок сказал батюшке что-то грубое. Тут священник, не выдержав, вспылил: «Будь ты проклят!» Говоря эти слова, он как раз вынимал частичку. Пономарь испугался и вышел. Пошел за какой-то надобностью на колокольню, споткнулся, упал, покатился вниз по лестнице... За что-то зацепился (по всей вероятности, за гвоздь), распорол себе живот, и пока докатился донизу, все внутренности его растянулись по ступенькам... Вот как быстро пришло наказание.

Конечно, такие случаи – исключение. Бог хранит нас, долготерпя нашей греховности. Но все-таки это нужно иметь в виду: чтобы духовные чада не дерзили своим батюшкам, а дети – родителям, также родители и пастыри в своем негодовании не изрекали на своих чад жестоких слов. Ведь, как гово-

рится, «слово – не воробей, вылетит – не поймаешь»...[1]

Вопрос: *Но ведь не всегда получается избегать претыканий. Иногда бывают ситуации, когда и промолчать нельзя, и правду сказать – искушение будет. Как быть в таких случаях?*

Ответ: Действительно, бывают такие обстоятельства. Например, тебе приходится выбирать: или солгать, или предать кого-то. Как сказано в житии великомученицы Варвары, что когда отец гнался за ней и спросил у встретившихся пастухов: «Куда убежала эта девица?», один из них ответил: «Вон туда». То есть он сказал правду, а получилось предательство. Поэтому когда нам приходится выбирать из двух зол, то, естественно, нужно выбирать меньшее – если нельзя его устранить совсем.

Вопрос: *А как мы можем определить, какое меньшее? К тому же, бывает, что некогда даже спросить у кого-то, посоветоваться...*

Ответ: Нет времени на совет – всегда есть возможность мгновенно возвести ум к Богу: «Господи, как? Помоги, вразуми! Не могу сообразить!»

Был среди нашей пустынной братии такой случай. В 1999 году хоронили мы высоко в горах иеромонаха-пустынника о. Гавриила. И вот когда мы, похоронив его, пришли под вечер в балаган, который служил для отдыха и ночлега для всех путешествующих по горам, то к этому балагану подошло две группы охотников. Нас, монахов, было человек восемь и охотников было семеро – в общем, собралось нас человек пятнадцать – «как селедки в бочке». В ту ночь был очень сильный ветер, ливень с грозой... холодная, суровая ночь была, поэтому все были вынуждены ночевать вместе, терпя друг друга.

Слава Богу, кое-как переночевали. Утром всем надо расходиться по разным направлениям. Прощаемся, и вдруг предводитель охотников (с которым нежелательно было портить отношения) спрашивает у меня:

– Вы куда?

Говорю:

– Да вон туда...

Он удивился:

– А там что, разве тропа есть? – и все охотники смотрят.

«Вот, – думаю, – искушение!.. Сказать правду, что тропа есть, нельзя, так как в той стороне построена братская келия недавно приехавших братьев. И если охотники узнают об этом, то будут целыми группами приходить на ночевку и причинять другое немалое безпокойство. Сказать, что нет тропы – солгать, да к тому же они могут пойти и посмотреть, и если заметят тропу – нехорошо будет». И у меня такой внутренний вопль: «Господи, как?..» Ну, и... говорю в ответ:

– Вот моя тропа, – и показываю топор, который был на тот момент у меня в руках. То есть, «куда пойду с топором, там мне и тропа будет».

Услышав такой ответ, охотники вполне удовлетворились и вопросов больше не задавали. Так Господь помог, что и лжи не сказал, и братий не подвел.

Проверено на опыте, что когда мы умом в трудной ситуации искренне обращаемся к Богу, то Господь дает благую мысль на сердце, и мы отвечаем так, как мы не придумали бы за день своих раздумий. Потому самое надежное – это во всяком обстоятельстве призывать Господа на помощь: или своими словами, или Иисусовой молитвой – лишь бы с верой. И Он будет помогать нам. Но только хочу предупредить, чтобы кто-то не уклонился в другую крайность: «Ну вот и замечательно! Теперь мне не нужны ни "батюшки", ни "матушки" – теперь во всех недоумениях я буду так вопрошать, и Сам Господь будет меня просвещать!» Но Господь гордым противится, а только смиренным дает благодать во благовременную помощь.

Вопрос: *Когда враг смущает помыслами против ближнего, то иногда усилием воли удается замолчать. Но внутри всё равно всё кипит, особенно если к тому усиливается повод со стороны человека. Как успокоить себя, чтобы не сорваться на раздражение и гнев? На каких помыслах держаться?*

Ответ: Можно и на том, что всякое смущение – от бесов. Можно на том, что «это мне Промыслом Божиим послан "тренер", который обучает меня смирению, терпению, благодушию и способности сохранять мир в присутствии раз-

---

[1] Однако это не относится к случаям, когда проклятие – незаконное. По слову Священного Писания, *«незаслуженное проклятие не сбудется»* (Притч. 26, 2). Более того – с теми «умниками», кои надеются на свои проклятия, может случиться по пословице: «Кто копает для другого яму, тот сам попадет в неё». Несколько лет назад произошел такой случай. Молодая девушка по любви ко Господу пожелала уйти в монастырь. Родители, которые и без того неодобрительно относились к «религиозному увлечению» дочери, пришли в величайшую ярость. При этом мать, сыпля проклятиями, заявила тоном, не допускающим возражений: «Только через мой труп!!!» Через два месяца женщина неожиданно скончалась. В настоящее время девушка подвизается в женском монастыре в иноческом чине и усердно молится за свою мать, погубившую себя своим собственным неразумием *(прим. автора)*.

дражающего». Можно помнить и повторять слова евангельского благоразумного разбойника: «*Достойно по делом моим приемлю, помяни мя, Господи, во Царствии Твоем!*» Или слова святых отцов: «Ради грехов моих согрешает ближний мой».[2] Или же повторять слова молитвы Господней: «*И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим*», благодаря Бога: «Слава Тебе, Господи, что я имею возможность кому-то что-то простить, чтобы и самому иметь надежду на прощение».

Таким образом, наш неприятель становится благодетелем для души. И неприязнь заменяется благим расположением к нему.

Вопрос: *А если уже глубоко укоренилась в душе склонность к обидам?*

Ответ: Тогда полезно помнить случай, описанный в одной книге.

Некая подвижница прожила в пустыне 40 лет. День и ночь молилась, очень мало спала, ни с кем не разговаривала – только пребывала в молитве. Как-то раз она увидела одного святого старца, о котором много слышала. Старец спросил о ее жизни. Пустынница ответила:

– Я сорок лет живу в пустыне, совершаю подвиги: раз в неделю вкушаю пищу, непрестанно пребываю в молитве.

Старец вновь спросил:

– А если тебя оскорбит ближний? Обидит? Отругает? Ты это примешь с радостью, как благоухание?

– Нет, отче...

– Тогда все твои труды прошли впустую.

Вот как все, оказывается, просто. Духовный рост человека определяется не внешними трудами и подвигами, а внутренним смирением, как и Сам Христос сказал: «*Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим*» (Мф. 11, 29). Мы же обычно на обиды не обращаем внимания – считаем, что это мелочь, забывая, что обиды являются «индикатором» нашей гордости. Христианин, который постоянно обижается, находится, условно выражаясь, на отметке «ниже нуля», пусть даже он имеет самые блестящие внешние способности.

Тому человеку, который никак не может избавиться от обидчивости, полезно чаще читать молитву святителя Игнатия Брянчанинова. Епископ Игнатий за своих клеветников, обидчиков и досадителей падал пред крестом Божественного Страдальца и говорил: «Благодарю Тебя, Господь мой и Бог мой, за всё совершившееся надо мной! Благодарю Тебя за все скорби и искушения, которые послал Ты мне для очищения оскверненных грехами и

исцеления изъязвленных грехами моих души и тела! Помилуй и спаси те орудия, которые Ты употреблял для моего врачевания – тех людей, которые наносили мне оскорбления. Благослови их, Господи, в сем и будущем веке! Вмени им в добродетели то, что они делали для меня! Назначь им из вечных Твоих сокровищ обильные награды!»

Так истинный христианин «проклинает» врагов своих. И если кто не поленится вникнуть в суть этой молитвы, тот, несомненно, с Божией помощью найдет помысел, на котором будет стоять, как на камне, во время находящей внутренней бури. Ибо ищущий находит и просящий получает.

Конечно, помысел, за который можно было бы держаться, нужно определять индивидуально, ведь особенности устроения каждой человеческой души бывают разные. Так, к примеру, когда я сказал одному серьезному христианину, что можно своих обидчиков воспринимать с любовью, как своих тренеров по боксу или борьбе (чем я в студенческие годы занимался), то это ему показалось неприемлемым. Поскольку спортом он не занимался и таких тренеров никогда не имел, то и ассоциации у него составились отрицательные.

Каждому человеку потребно своё, соответствующее состоянию его души. И это нужно испросить у Бога. К тому же обстоятельства искушений бывают очень разные, потому одно правило на все случаи неприменимо. Просто во всякой ситуации и испытании необходимо обращаться с молитвой к Богу, могущему вразумить и укрепить нашу немощь.

Вопрос: *Какие существуют способы восстановления мира и единомыслия с близкими людьми?*

Ответ: Один из самых простых и действенных методов сохранить и восстановить мир в душе – искреннее объяснение.

Сначала нужно переждать смущение, а когда оно уляжется, спокойно, мирно, помолившись о себе и о человеке, подойти и сказать: «Брат, давай разберем это дело, что-то здесь нечисто. Здесь, кажется, враг примешивается к нашим делам, потому давай рассмотрим, что и как. Объясни, пожалуйста, что ты имел в виду, когда говорил то-то (или то-то делал)». Просто объяснить свои побуждения и спросить о его расположении. Но только – и это очень важно – без тени самооправдания или упрека, тем более – не в духе «обличения». Пусть брат объяснит, с каким намерением и желанием он что-либо говорил и делал, а мы объясним своё состояние – как мы поняли, как мы среагировали и почему сказали или сделали то или другое. Тогда будут обнаруживаться многообразные козни демонов, какими они стараются нас захватить и привести к смущению, недовольству, ропоту, а то и к чему-либо худшему.

Правда, бывают случаи, когда лучше промолчать. Наиболее следует молчать, если человек чем-то сильно огорчен и находится в депрессии (когда мы видим, что он не хочет уже никого и ничего слышать). Или если наш начальник делает выговор: ругает ни за что – только потому, что, к примеру, сам

[2] Из творений священномученика Петра (Дамаскина) *(прим. автора).*

получил взбучку от вышестоящего начальства, тогда полезнее молчать, нежели пытаться чем-то оправдаться. А также когда духовник воспитывает и смиряет своё духовное чадо, то нужно выслушать молча, без прекословия и оправдывания себя, внутренне каясь в своих ошибках и прося у Бога прощения. А в конце сказать: «Простите и благословите».

Но как при молчании, так и при объяснениях, всегда нужно молиться, прося у Бога помощи, укрепления; также молиться и о том, чтобы сохранились между нами взаимопонимание, мир и братская любовь.

...Два сотрудника работали на одной работе. И вот как-то раз один другому причинил огорчение – не намеренное, но все же такое, которое повлекло за собой обиду и упрек. Виновный, осознав, что он действительно поступил нехорошо, пришел домой со скорбью. Он не знал, что ему делать. Исправить ошибку было уже нельзя, а просто просить прощения как-то не решался... Мучимый совестью, он поставил за пострадавшего свечку. Положил несколько поклонов, прося Господа утешить этого человека. Но поскольку совесть все-таки не давала покоя, решил подойти к нему, покаяться. И когда подошел, объяснил свое смущение и сказал, что он даже поставил за него свечку, тогда произошло неожиданное: тот сотрудник добродушно рассмеялся и сказал: «Вот только так Вас и можно заставить помолиться обо мне!» Таким образом, неприязнь изгладилась и прошла безследно.

А если бы ничего этого не было сделано, то могла бы образоваться некая трещина, в которую диавол потом стал бы забивать клинья – все больше и больше. Как на карьерах кололи камень в древние времена. Ведь раньше не было взрывчатки, поэтому кололи деревянными клиньями. В каменном массиве находили маленькую трещинку и забивали туда во множестве небольшие клинышки, изготовленные из сухого дерева. Потом поливали эти клинышки водой, они натягивали влагу и, медленно разбухая, кололи монолит. Такую же тактику имеет и враг. Ищет маленькую трещинку между друзьями (слово, взгляд, жест и т.д.) и забивает туда свои клинышки – сначала подозрения, потом внутреннего смущения и «праведного» негодования: то взгляд нехороший бросил, то слово или шутку колкую сказал, то что-то не так сделал, то еще что-нибудь...

Так потихоньку расшатывается любовь. И из-за этих «мелочей» постепенно образуются «трещины» между людьми. А в конце концов, без правильного духовного рассуждения происходит большое смущение, разлад, раскол – нарушение единства христианской любви на всех уровнях: и в семьях, и в монастырях, и на приходах.

Вот поэтому мы должны все возникающие шероховатости, смущения, негодования – все эти бесовские «клинышки» – сразу же, не теряя времени, выдергивать, изглаждать покаянием, молитвой, взаимным объяснением, испрашиванием прощения друг у друга и всеми прочими способами, лишь бы не нарушались любовь, мир, единодушие и взаимопонимание.

Вопрос: *К сожалению, иногда не хватает внутренних сил на какие-то «радикальные» меры...*

Ответ: Тогда нужно использовать хотя бы самый простой способ. Схиархимандрит Виталий (Сидоренко) в случаях, когда терялся мир с ближним, советовал читать за него молитву: «Благослови, Господи, раба Твоего *(имя)* и его святыми молитвами и мя, окаянного, помилуй» – 12 раз с поясными поклонами, до тех пор, пока не наладятся отношения.

Вопрос: *А если они все-таки не налаживаются? Иногда хочется махнуть рукой на все свои усилия...*

Ответ: Вот именно. Потому что мы их, эти свои усилия, ОЧЕНЬ ВЫСОКО ЦЕНИМ, что является одной из основных причин нашего неуспеха. К тому же, сознаём мы это или нет, мы ставим ближнего как бы на «разряд» ниже себя – думаем, что делаем ему «снисхождение»: «Я ему иду на уступки, я его терплю, я за него молюсь...» А в таком настрое проявляется дух гордости, которая всё дело и портит. Потому, если смиримся, искренне укорим себя, сочтем себя недостойными получить доброе расположение человека, то тогда еще есть надежда на то, что мы его получим.

Так что, помоги нам Господи.

Его ненависть

«... даже врата адовы для любви не препятствие»

И. Ильин

Как тягостно, почти невыносимо бывает это ощущение, что «он меня ненавидит»... Какое чувство собственного безсилия овладевает душою... Хочется не думать об этом; и это иногда удается. Но, и не думая, чувствуешь через духовный эфир эту струю, этот ток чужого отвращения, презрения и зложелательства. И не знаешь, что начать; и не можешь совсем забыть, и несешь на себе через жизнь это проклятие.

Каждый человек, – знает он об этом или не знает, – есть живой излучающий личный центр. Каждый взгляд, каждое слово, каждая улыбка, каждый поступок излучают в общий духовный эфир бытия особую энергию тепла и света, которая хочет действовать в нем, хочет быть воспринятой, допущенной в чужие души и признанной ими, хочет вызвать их на ответ и завязать с ними живой поток положительного, созидающего общения. И даже тогда, когда чело-

век, по-видимому, ни в чем не проявляет себя или просто отсутствует, мы осязаем посылаемые им лучи, и притом тем сильнее, тем определеннее и напряженнее, чем значительнее и своеобразнее его духовная личность.

Мы получаем первое восприятие чужой антипатии, когда чувствуем, что посылаемые нами жизненные лучи не приемлются другим человеком, как бы отталкиваются или упорно не впускаются им в себя. Это уже неприятно и тягостно. Это может вызвать в нас самих некоторое смущение или даже замешательство. В душе возникает странное чувство неудачи или собственной неумелости, или даже неуместности своего бытия; воля к общению пресекается, лучи не хотят излучаться, слова не находятся, жизненный подъем прекращается, и сердце готово замкнуться. Замкнутые и малообщительные люди нередко вызывают такое чувство у общительных и экспансивных людей даже тогда, когда об антипатии не может быть еще и речи. Но антипатия, раз возникнув, может обостриться до враждебности, «сгуститься» в отвращение и углубиться до ненависти, и причем совершенно независимо от того, заслужили мы эту ненависть чем-нибудь определенным или нет...

Тот, кто раз видел глаза, горящие ненавистью, никогда их не забудет... Они говорят о личной злобе и предвещают беду; а тот, кто их видит и чувствует себя в фокусе этих лучей, не знает, что делать. Луч ненависти есть луч, ибо он горит и сверкает, он заряжен энергией, он направлен от одного духовного очага к другому. Но ненавидящий очаг горит как бы черным огнем, и лучи его мрачны и страшны, и энергия их не животворна, как в любви, а смертоносна и уничтожающа. За ними чувствуется застывшая судорога души, мучительная вражда, которая желает причинить другому муку и уже несет ее с собою. И когда пытаешься уловить, что же так мучает ненавидящего, то с ужасом убеждаешься, что он мечтает увидеть тебя погибающим в муках и мучается оттого, что это еще не свершилось... Я смотрю в эти ненавидящие глаза и вижу, что «он» меня не переносит, что «он» с презрительным отвращением отталкивает мои жизненные лучи, что «он» провел черту разлуки между собою и мною и считает эту черту знаком окончательного разрыва, по ту сторону черты – он в неутомимом зложелательстве, по сю сторону – я, ничтожный, отвратительный, презираемый, вечно недопогубленный; а между нами – бездна... Зайдя в тупик своей ненависти, он ожесточился и ослеп; и вот встречает всякое жизненное проявление с моей стороны – убийственным «нет». Этим «нет» насыщены все его лучи, направленные ко мне; а это означает, что он не приемлет лучей от меня, не прощает мне моего бытия и не терпит моего существа – совсем и никак. Если бы он мог, то он испепелил бы меня своим взглядом. Он одержим почти маниакальной идеей – моего искоренения: я осужден, совсем и навсегда, я не имею права на жизнь. Как это выражено у Лермонтова: «нам на земле вдвоем нет места»[1]... В общем и целом, – духовная рана, уродство, трагедия...

Откуда это все? За что? Чем я заслужил эту ненависть? И что же мне делать? Как мне освободиться от этого цепенящего проклятия, предвещающего мне всякие беды и грозящего мне преднамеренным погублением? Могу ли я пренебречь его ожесточением, пройти мимо и постараться забыть об этой черной злобе? Имею ли я право на это? Как избавиться мне от этого угнетающего сознания, что мое существо вызвало в ком-то такое духовное заболевание, такую судорогу отвращения?

Да, но разве вообще возможно распоряжаться чужими чувствами? Разве возможно проникнуть в душу своего ненавистника и погасить или преобразить его ненависть? И если возможно, то как приступить к этому? И где взять для этого достаточную силу и духовное искусство?..

Мы, конечно, не можем распоряжаться чужими чувствами; и действительно, совсем нелегко найти верный путь и надлежащую духовную силу для того, чтобы разрешить эту претрудную задачу... Но одно я знаю наверное, именно, что этот мрачный огонь должен угаснуть. Он должен простить меня и примириться со мною. Он должен не только «подарить мне жизнь» и примириться с моим существованием; он должен испытать радость оттого, что я живу на свете, и дать мне возможность радоваться его бытию. Ибо по слову великого православного мудреца, Серафима Саровского, «человек человеку – радость»...

Прежде всего, мне надо найти и установить, чем и как я мог заслужить эту ненависть? Как могла его возможная любовь ко мне превратиться в отвращение, а его здоровое уважение ко мне – в презрение? Ведь мы все рождены для взаимной любви и призваны к взаимному уважению... Нет ли и моей вины в том, что мы оба теперь страдаем, он, ненавидящий, и я, ненавидимый? Может быть, я нечаянно задел какую-нибудь старую, незажившую рану его сердца и теперь на меня обрушилось накопившееся наследие его прошлого, его былых обид и непрощенных унижений? Тогда помочь может только сочувственное, любовное понимание его души. Но, может быть, я как-ни-

Все, желающие приступить к подвигу поста и молитвы, все, желающие пожать обильные плоды от своего покаяния... услышьте Завет Божий — и отпустите, простите ближним согрешения их перед вами.

Святитель Игнатий Брянчанинов

[1] Слова Грушницкого из повести «Герой нашего времени».

будь незаметно заразил его моей собственной, скрытой ненавистью, которая жила во мне, забытая, и излучалась из меня безсознательно? Тогда я должен, прежде всего, очистить свою душу и преобразить остатки моей забытой ненависти в любовь. И если даже моя вина совсем ничтожна и непреднамеренна, то и тогда я должен начать с признания и устранения ее; хотя бы мне пришлось для этого – искренне и любовно – добыть себе прощение от него.

Вслед за тем мне надо простить ему его ненависть. Я не должен, я не смею отвечать на его черный луч таким же черным лучом презрения и отвержения. Мне не следует уклоняться от встречи с ним, я не имею права на бегство. Надо встретить его ненависть лицом к лицу и дать на нее сердцем и волею ДУХОВНО ВЕРНЫЙ ОТВЕТ. Отныне я буду встречать луч его ненависти белым лучом, ясным, кротким, добрым, прощающим и добивающимся прощения... Мой луч должен говорить ему: «Брат, прости мне, я уже все простил и покрыл любовью, примирись с моим существованием так, как я с любовью встречаю твое бытие...» Именно с любовью, ибо простить – значит не только не мстить, не только забыть рану, но и ПОЛЮБИТЬ прощенного.

Два человека всегда связаны друг с другом двумя нитями: от него ко мне и от меня к нему. Его ненависть обрывает первую нить. Если она оборвалась, то страдают оба: он – потому, что его сердце судорожно сжалось и ожесточилось, и я – потому, что я должен смотреть, как он из-за меня мучается; и еще потому, что я сам, ненавидимый им, страдаю из-за него. Спасать положение можно только так: поддерживать вторую нить – от меня к нему, – крепить ее и восстанавливать через нее первую. Нет другого пути. Я должен убедить его в том, что я не отвечаю ненавистью на его ненависть; что я не вменяю ему его вражду и злобу; что я признаю свою возможную вину и стараюсь ее искупить и погасить; что я понимаю его, страдаю вместе с ним и готов подойти к нему с любовью; и, главное, что моей духовной любви хватит для того, чтобы выдержать напор и пыл его ненависти, чтобы встретить ее духовно и постараться преобразить ее. Я должен обходиться с моим ненавистником так, как обходятся с тяжело больным человеком, не подвергая его новым, добавочным страданиям. Я должен посылать ему в моих лучах понимание, прощение и любовь до тех пор, пока он не восстановит оборванную им нить, ведущую ко мне.

Это, наверное, совершится не легко; вероятно, его ненависть будет упорствовать и не захочет так скоро угомониться и преобразиться. Но я буду настойчив и сохраню уверенность в победе; это залог успеха. Ненависть исцеляется любовью и только любовью. Луч настоящей любви укрощает диких зверей; то, что по этому поводу рассказывают о святых, – не фантазия и не благочестивая легенда. Излучение любви действует умиряюще и обезоруживающе; напряжение злобы рассеивается; злой инстинкт теряется, уступает и вовлекается в атмосферу мира в гармонии. Все это не пустые слова: любовь заклинает бури и умиротворяет духовный эфир вселенной; и даже врата адовы ей не препятствие.

А если однажды это состоится, ненависть его преобразится, и рана духовного эфира исцелится и зарастет, тогда мы оба будем радоваться радостью избавления и услышим, как высоко над нами все ликует и празднует до самого седьмого неба, ибо Божия ткань любви едина и целостна во всей вселенной.

История Иоанно-Казанского Сезеновского монастыря

Часть 3

Наконец по истечении трех лет со времени закладки храм был готов, как и предсказал затворник Иоанн. Осенью 1842 года освятили два престола в трапезной, а в феврале 1844 года — еще два. Под Покровом Пресвятой Богородицы, с молитвенным предстательством Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, святителя Николая Чудотворца и великомученицы Варвары, в честь которых были освящены престолы, к 1847 году церковь была отделана окончательно. Усердием благотворителей были приобретены облачения и все необходимое для церковного служения. Но сбор средств и пожертвований все еще требовался для оснащения главного престола, а потому Евфимия продолжала свои труды.

Наряду со сбором средств для строительства и благоукрашения Казанского храма, хлопотала Евфимия Моргачева в Санкт-Петербурге и об исполнении еще одной воли покойного затворника Иоанна — об открытии монастыря. Она еще в 1845 году подала в Святейший Синод прошение об учреждении в Сезеново женского монастыря, возлагая надежду на молитвенную благодатную помощь блаженного. Прошение было направлено через посредство епископа Тамбовского и Шацкого Николая (Доброхотова). Но Синод счел прошение необезпеченным материальным подтверждением того,

что таковой монастырь сможет благополучно существовать и себя обезпечивать. Тем не менее, получив отказ, Евфимия не смутилась и дела не бросила. Переменив план, она в 1846 году просила Святейший Синод открыть в Сезеново общину, объяснив при этом, что строительница каменной приходской церкви Дария Кутукова приобрела 25 десятин земли для устройства на ней келий, ограды и нужных зданий. К этому прошению были приложены уже все требуемые Синодом справки.

Дария, между тем, в Сезенове заботилась об устройстве для монашествующих келий, обнесла устрояемую обитель в 1847 и в 1848 гг. с трех сторон — южной, западной и северной — довольно высокой каменной оградой, с такими же с каждой стороны воротами; приобрела для обеспечения быта монашествующих часть земли; а так как местность эта почти безводная, то невдалеке от храма ископала колодезь.

2 июля 1849 года она исходатайствовала грамоту на устройство нового храма в честь Рождества Христова. По приобретении Дарией еще 72 десятин земли, Евфимия вновь ходатайствовала об открытии женской общины, каковая с Высочайшего соизволения и была открыта 1 октября 1849 года под названием Сезеновской Иоанновской, начальницею которой единогласно была избрана старица Дария. И тот же месяц ознаменовался радостным для всего сестричества событием — наконец был освящен главный престол храма — в честь Казанской Божией Матери.

Старица Дария и в новой должности много трудилась и благоустраивала все более и более свою обитель: она устроила для посетителей небольшие гостиницы; келью затворника Иоанна, где он скончался, с благословения преосвященного Николая переделала в храм Преображения Господня. А так как место упокоения затворника оказалось пред Царскими вратами новоустроенного храма, то гроб его был вынут и поставлен на левой стороне церкви, прямо на пол. Над гробом был сделан кирпичный свод с металлическим надгробьем.

Оставалось исполнить последнее желание покойного Иоанна — утвердить на прочных основаниях устроившееся общежитие, то есть открыть монастырь. По ходатайству Евфимии, с Высочайшего соизволения и по благословению Святейшего Си-

Старица Дария Дмитриевна Кутукова

нода, 11 апреля 1853 года Сезеновская община, насчитывающая уже 39 насельниц, была переименована в заштатный третьеклассный монастырь под именем Сезеновского Иоанно-Казанского девичьего. Священник этого монастыря Василий Княжинский приводит в своих заметках, впрочем, другую дату — 12 июня 1853 года.

14 июля 1853 года по совершении Божественной литургии последовало открытие монастыря благочинным Лебедянского Троицкого монастыря игуменом Сергием. Кстати заметить, что этот игумен, скончавшийся на покое по принятии схимы, упокоился именно здесь, в открытом им монастыре.

По окончании торжества открытия монастыря приступили к избранию настоятельницы. Сестры обители единодушно предложили на должность игумении прежнюю свою начальницу Дарию Кутукову, а на должность казначеи — прежнюю казначею Ксению Чеснокову. Но старица Дария от предложения сестер быть начальницей обители решительно отказалась, ссылаясь на старость своих лет, а назначила вместо себя старшую из сестер — Евфимию Моргачеву, на что все сестры изъявили согласие. С этого времени для Евфимии открылся новый подвиг, подвиг начальственный, сопряженный тоже с немалыми трудами.

Дария же, сложив с себя бремя правления, не переставала трудиться для монастыря до последней минуты своей жизни.

Заметим тут, что многолетняя подвижническая жизнь Дарии сопровождалась многими искушениями со стороны исконного врага. Что происходило и как во время этих тяжких часов и минут, когда выручал подвижницу лишь искренний молитвенный вопль ко Господу, оставалось тайной. Ведь у нее в келье из ее послушниц никогда никто не ночевал. Однако известно, что некоторые из самых приближенных сестер порой находили ее с заплаканными глазами и явно смущенную. Так была тяжела эта незримая, но безпощадная брань ее с искусителем праотцев. И в то же время Дария, совершая подвиг свой, была облагодатствована так, что многим предсказывала и прямо, и иносказательно о том, что уже случилось, или что будет. Известно несколько примеров, рассказанных теми, кому она говорила, и что сбылось.

Дочь Сапожковского купца девица Мария Ивановна Карташова, будучи рясофорною послушницею монастыря, рассказывала следующее: «Я в 1855 году поступила в Сезеновский монастырь еще ребенком, на 15-м году. Пожив с год и не видевшись со своими родными, попросилась в отпуск для свидания с ними. В это время тут же была и старица Дария. Она сказала мне довольно серьезно: "Куда тебе ехать, какие там родные? Поступила в монастырь и живи". Получив отказ в моей просьбе, я горько плакала и роптала на Дарию. От Сезенова до Сапожка было около двухсот верст пути. Дело было зимою. На другой день пошел дождь, санный путь совершенно испортился. Прошло после этого недели с три; санный путь исправился вновь. Старица Дария, увидев меня, подозвала к себе и сказала: "Ну

вот, матушка, ты просилась ехать: кабы поехала, то и не доехала б; а теперь ступай с Богом". Тут-то я вспомнила, отчего не доехала б: был дождь, и оттого-то меня не пустили. Собравшись на этот раз, я благополучно съездила».

Раненбургский купец Михаил Александров Еремеев, занимаясь винно-откупною торговлею в городе Фатеже Курской губернии, по некоторым обстоятельствам проезжал в Раненбург и, остановившись на перепутье в селе Сезеново, отправился, чтобы отслужить панихиду о затворнике Иоанне, в пещеру. При входе в нее старица Дария спросила его, зачем он приехал. Когда же он объяснил причину приезда и отслужил панихиду, старица попросила у него три рубля денег, сказав при этом, что они у него есть. Еремеев же ей в этом отказывал, говоря, что хотя и есть только три рубля всех денег, но они нужны для проезда до Раненбурга, чтобы отдать ямщику. Старица на это ему сказала: «Отдай, пешком не пойдешь». Еремеев отдал ей просимую сумму, оставшись сам без денег. Когда же, по приглашению старицы, пил он у нее чай, приехал раненбургский ямщик, который согласился довезти Еремеева до Раненбурга с получением денег на месте. Старица напомнила ему, что сказала: «Не пойдешь пешком и теперь доедешь». Угощая чаем, сказала ему: «Будешь лесом торговать — не забудь Сезеново, а то побогатеешь, пожалуй, поскупеешь, а вином перестанешь торговать». Прошло после этого 10 лет. По одному случаю Еремеев, как сказала старица, прекратил винные операции и купил рощу в деревне Колычевой Раненбургского уезда (от Сезенова в 15-ти верстах), и с тех пор Сезеновский монастырь покупал в той роще лес за довольно выгодную цену.

Старица Дария года за три до смерти приказала срубить яблоню, росшую по правую сторону храма Преображения Господня, говоря, что здесь выроют для нее могилу, когда она умрет. Когда же она умерла, хотели тело ее положить под храмом, как храмосозидательницу, но это не было дозволено, почему и похоронили ее в предназначенном лично ею месте.

Когда незадолго до смерти Дария была больна, сын Александра Николаевича Чулкова, обучавшийся в г. Москве, в это время находился в деревне у отца (в двух верстах от

Старица Дария в последние годы своей жизни, на фоне зданий новоустроенной Иоанно-Казанской обители (монастырская литография XIX века)

Сезеново) и почти безвыходно был у постели больной, слушал ее беседы и часто плакал при мысли о неизбежной разлуке. Прощаясь с нею перед отъездом в Москву, он не мог удержаться от слез, какая-то безотчетная тоска давила его. Дария, предвидя, что и его самого ожидает близкая кончина, в утешение ему сказала: «Не плачь, мы с тобою ненадолго расстанемся, скоро опять увидимся, но уже не здесь». Слова Дарии исполнились в точности: юноша отправился в Москву и в скором времени после смерти старицы заболел и умер. Тело его оттуда было привезено в Сезеново и схоронено близ его родных.

За день до смерти своей просила Дария бывшего Сезеновского священника Василия Рождественского попросить за нее у сотоварища его прощения, говоря, что он не увидит, как ее схоронят. И действительно, спустя не более двух часов после его отъезда она переселилась в вечность. Приехал же он в тот самый день вечером, когда ее похоронили.

Можно приводить множество примеров, подтверждающих прозорливость Дарии, но хочется обратить внимание и на другие ее нравственные качества. Дария имела живой, твердый и решительный характер; вид всегда имела веселый, в приемах была ласкова, двери кельи у нее ни для кого не были заперты: и богатый, и нищий имели свободный доступ, исключая определенного ею времени для келейных молитв, или когда бывала нездорова. Всех сестер она любила, и ее все любили, уважали и боялись, ибо при всей живости характера умела быть строга к тем, кто ленился. Что же касается пришельцев, то она умела заставить каждого не только любить и почитать ее, но и питать к ней особенное чувство уважения, соединенное со страхом. Многие, чтобы только видеть Дарию, слышать ее мудрые беседы, дожидались по нескольку дней.

Сняв с себя бремя начальствования над монастырем, Дария не переставала трудиться для обители, сама всюду хлопотала. Она как заботливая мать, заботясь о своих детях, несмотря на преклонность лет, принимала участие во всех постройках и старалась, чтобы каждая из насельниц имела покойный приют, где бы могла воссылать свои молитвы в свободные минуты.

Старица Дария, потрудившись для обители, заслужив общую любовь, почтение и уважение не только сестер, но и посторонних лиц, после кратковременной болезни кончила земной подвиг в глубокой старости около 85-86 лет 28 июля 1858 года. Тело ее, как сказано выше, было положено в могиле, на избранном ею самою месте, по правую сторону храма Преображения Господня.

По материалам книги «Сезеново и его подвижники». Тамбов, 2007.

АРХИМАНДРИТ ЗАДОНСКОГО МОНАСТЫРЯ – ДИМИТРИЙ

Пути Господни неисповедимы. Но иногда Промысл Его явлен бывает явно и зримо. Кажется, один из таких случаев и есть то, что в год прославления святителя Тихона, чудотворца Задонского, Богородицкий монастырь, сподобившийся великой чести стать хранителем мощей новопрославленного угодника Божия, возглавлял один из самых успешных настоятелей за всю его историю. Это был архимандрит Димитрий (Григорьев). Немаловажным видится и то, что на служение в Задонск он был поставлен в преддверии прославления святителя Тихона по прямому настоянию митрополита Московского Филарета (Дроздова), человека Божия, коему были открыты многие тайны Его, причтенного ныне к лику святых...

А начиналась жизнь земная будущего настоятеля Богородицкой обители в семье дворян Орловской губернии Григория и Александры Григорьевых, где появился он на свет Божий в 1798 году. Во святом крещении поименован был Доримедонтом. Образование получил домашнее, воспитываясь попечением матери Александры Даниловны, женщины благочестивой и религиозной, сумевшей внушить младшему и самому любимому сыну страх Божий и благонравие. Позднее закончил гимназический курс в Москве и, по традиции многих сынов своего сословия, избрал для себя поприще военное.

12 февраля 1824 года Доримедонт Григорьев подал прошение о зачислении в военную службу и был принят вольноопределяющимся в 3-й резервный кавалерийский корпус. Через 2 года переведен юнкером в Казанский кавалерийский драгунский полк, базировавшийся попеременно в Старооскольском и Елецком уездах. Жизнь офицерская благонравием не отличалась, но молодой офицер, несмотря на то, что от природы характер имел живой и веселый, заветов возлюбленной своей матери не оставлял и сумел поставить себя в кругу товарищей так, что они вовсе не считали его нарочито сторонящимся их досужих развлечений, а напротив, уважали за прямодушие и честность.

Умело владея собой и ограждая себя от соблазнов, Доримедонт Григорьевич старался вести образ жизни трезвый, деятельный и уклонялся от того, что могло бы вызвать укоры совести. «В особенности же, – подчеркивает о. Геронтий, – уходил он от опасной лести светских женщин», весьма им интересовавшихся как перспективным женихом. Ведь был он богат, красив, грациозен, находчив. Но влекло Доримедонта Григорьева иное поприще...

Например, во время пребывания в Ельце «молодой офицер Григорьев» почти ежедневно до начала занятий по службе посещал раннюю обедню в церкви во имя святого великомученика Димитрия Солунского. Порученных его командованию солдат также приучал к молитве и посещению храмов в праздники. «И горе тому, если кто из солдат по лености не придет в церковь на молитву: нерадивому от Доримедонта Григорьевича следовал строгий выговор».

Год проходил за годом, и постепенно с юных лет внушенное желание *единаго на потребу* все более довлело в душе Григорьева. А потому, достигнув в Казанском полку чина поручика, в 1835 году он ушел в отставку.

Возвратясь домой и пожив некоторое время в имении, дабы утешить мать, Григорьев разделил имущество с сестрой и, дав вольную с наделением землей 217 крестьянам, доставшимся ему при разделе и унаследованных по смерти родных братьев, отправился в паломничество по святым обителям. В Оптиной Козельской пустыни состоялась встреча Доримедонта Григорьевича с преподобным Львом (Наголкиным), Оптинским старцем, коему он с полным доверием раскрыл свою душу, прося отеческого совета. И угодник Божий, видя в пришедшем искателе истины *«сосуд в честь»*, благословил Григорьева на путь иноческий.

В 1842 году Доримедонт Григорьевич поступил в Малоярославецкий Николаевский монастырь, вручив себя в безпрекословное послушание настоятелю сей обители игумену Антонию (Путилову), принадлежавшему «к числу лиц, доказавших своею жизнью высокое значение монашества». Здесь и пришлось пройти школу смирения, уроки которой были весьма непросты для бывшего офицера и богатого дворянина. О некоторых из них он не раз вспоминал уже позже в Задонске, утешая тех из новоначальных братий, кого ввели в скорбь те или иные трудности иноческой жизни. «Когда я поступил в Малоярославецкий монастырь, то несмотря на мое воспитание, употребляли меня на черные работы и даже смеялись над моею неумелостью, – рассказывал о. Димитрий. – Смотрят и смеются надо мной, а я сам себе скажу: терпи, Доримедонт, и смиряйся, ведь ты затем и пришел в монастырь, чтобы терпеть». А ведь и до конца дней свойственны были ему раздражительность и вспыльчивость, но по примеру святителя Тихона, обладавшего сходным характером, архимандрит Димитрий умел побеждать их смирением, воспринятым в годы послушничества.

В 1847 году перемещен был Григорьев послушником в Воронежский Алексеево-Акатов монастырь. Здесь Доримедонта Григорьевича, отличавшегося «трезвою жизнью, благонравием, ревностью к службе Божией и возложенному послушанию», приметил настоятель, епископ Воронежский, викарий Острогожский Елпидифор (Бенедиктов). И в 1848-м, по поставлении владыки Елпидифора на самостоятельную Харьковскую кафедру, послушник Доримедонт Григорьев последовал за ним. В Харькове 16 сентября 1848 года он и принял монашество с именем Димитрий. На следующий день рукоположен был во иеродиакона, а еще через два – во иеромонаха и назначен на должность казначея Харь-

ковского архиерейского дома. И в этом служении зарекомендовал себя столь хорошо, что владыка Еллидифор рекомендовал о. Димитрия архимандриту Антонию (Медведеву), наместнику Троице-Сергиевой Лавры. С 3 сентября 1852 года иеромонах Димитрий исполнял послушание «гробового» при мощах преподобного Сергия Радонежского. Но уже через 5 дней был по представлению собора Лавры назначен казначееем и введен в состав собора. В годы лаврского служения отец Димитрий сблизился с великим святителем Московским митрополитом Филаретом, общения с которым, как с мудрым наставником и попечителем, не прерывал и позднее, уже будучи настоятелем в Задонске.

И когда стало ясно, что прославление святителя Тихона, чудотворца Задонского, – вопрос недолгого времени, митрополит Московский рекомендовал именно иеромонаху Димитрию доверить управление Задонским Богородицким монастырем. Св. Синод прислушался к мнению авторитетнейшего своего члена и 25 мая 1860 года последовал указ об определении иеромонаха Димитрия настоятелем Задонского Богородицкого первоклассного мужского монастыря. А 10 дней спустя, 5 июня, о. Димитрий был произведен митрополитом Московским Филаретом в сан архимандрита. Где-то через месяц «июльским жарким утром» новопоставленный настоятель и архимандрит прибыл в Задонск, где суждено ему было окончить дни свои после многих трудов во благо обители и во славу святителя Тихона.

Не останавливаясь подробно на хозяйственной деятельности архимандрита в Задонске, повторим слова иеромонаха Геронтия, отзывавшегося об о. Димитрии как о «попечительнейшем настоятеле, приведшем в наилучшее состояние обитель Задонскую». Материальные свидетельства этого мы можем видеть и поныне. Но не хотелось бы, чтобы архимандрит Димитрий-управитель заслонил собой не менее интересную фигуру архимандрита Димитрия-инока, умевшего быть и строгим начальником, и просто первым среди равных.

Как вспоминает о. Геронтий, «в отношении к монашествующей братии архимандрит Димитрий действительно был управитель строгий – без поблажки, но рассудительный. Видя искреннее смирение провинившегося и прочитав в сердце его раскаяние, он всегда прощал, дав прежде отечески прочувствовать свою вину совершившему проступок. Обид не помнил.

Строгость же его во многом проистекала из того, что, возлюбив истинное, не показное монашество всею душою и стремясь всеми силами к достижению нравственного совершенства, о. Димитрий старался всячески привлечь и других на этот путь. В монастырь он принимал с отеческой любовью, невзирая на лица и звания. За начинающими путь иноческий наблюдал внимательно. Заметив же, что кто-то поддался унынию и тоске по оставленному миру, он обычно приглашал присесть рядом и заводил с тем душевный разговор, объясняя, что все смутившие душу печали не что иное как искушение. «Врагу вот не хочется, чтобы ты был в монастыре и служил святителю Тихону», – говаривал обычно архимандрит и далее на примерах убеждал смутившегося в достоинстве жизни монашеской.

Когда случалось пострижение новоначальных, он всегда сам служил Божественную литургию. По окончании же ее архимандрит Димитрий вместе с принявшим постриг подходил приложиться к чудотворной Владимирской иконе Божией Матери, а затем к мощам святителя Тихона. Затем настоятель обращался к новопостриженному с кратким наставлением, окончив которое лобызал его в плечи, говоря: «Христос посреди нас!» «И есть, и будет», – отвечал инок, взаимно целуя плечи и благословляющую десницу отца архимандрита.

Искренний молитвенник, сподобившийся получить от Господа дар слезный, о. Димитрий требовал от насельников не только исполнения келейного правила, но и неукоснительного посещения утрени и Литургии перед началом послушаний.

В быту был очень скромен. Ходил всегда в простой рясе. Редко когда одевал шелковую, по особо торжественным случаям. Иной раз келейники скажут ему, что вот, мол, праздник, неплохо бы и щегольнуть нарядом побогаче. На это архимандрит обычно отвечал народной поговоркой: «Попа и в рогоже знают».

Интересно отношение архимандрита Димитрия к благотворительности и милостыне. Он, судя по всему, различал их очень четко, как и святитель Тихон, полагая, что бездумная милостыня только развращает просящего. А потому, как отмечает о. Геронтий, у парадного настоятельского крыльца «не стояла толпа нищих оборванцев». Зато организованная благотворительность, на которую о. Димитрий тратил почти все свои доходы, процветала при нем в Богородицком монастыре как никогда до этого.

С 1861 по 1880 годы под личным председательством Задонского настоятеля при монастыре действовало благотворительное общество, носившее наименование «Тихоновского». Этот институт милосердия возник исключительно по личной инициативе архимандрита Димитрия. Общество помогало 46 беднейшим семействам, жертвуя для этих целей из монастырской казны ежегодно до 300 рублей серебром.

Помимо 20 учеников-сирот, содержавшихся за счет обители с момента учреждения в Задонске духовного училища, Тихоновское общество оказывало материальную поддержку еще 20 беднейшим ученикам, вручая каждому ежемесячно по 1 рублю серебром.

Также по распоряжению о. Димитрия при Задонском Богородицком монастыре содержались на полном иждивении 9 престарелых, один увечный и один малолетний из числа неимущих. Стоила такая забота о «социально незащищенных» около 660 рублей ежегодно. Именно при архимандрите Димитрии в 1866 году была заложена традиция ежегодно жертвовать из монастырской казны 1000 рублей серебром в кассу Воронежского попечительства девиц духовного звания. Попечением арх. Димитрия монастырская больница, до 1862 года бывшая исключительно «домашнею», стала действенным инструментом милосердия, позволяя оказывать медицинскую помощь не только недужным из числа братии, но и беднейшим паломникам.

И этим список добрых деяний архимандрита не ограничивается. Предел им положила лишь кончина его, последовавшая 13 июля 1882 года.

Л. МОРЕВ

ОПТИНСКИЙ СТАРЕЦ

Жизнеописание схимонаха Иоасафа (Моисеева)

Часть 4

Старчество

– В конце его жизни многие обращались к нему за духовным советом, благословением и наставлением, – пишет иеромонах Нестор (Кумыш). – В числе приезжавших к нему людей были схиархимандрит Макарий (Болотов), схиархимандрит Серафим (Мирчук), иеросхимонах Нектарий (Овчинников), игумения Снетогорского монастыря Людмила (Ванина), нынешний Псковский архиепископ Евсевий (Саввин) и многие другие. Владыка Евсевий неоднократно посещал схимонаха Иоасафа с 1969 по 1971 годы. В это время он в сане игумена занимал пост секретаря Воронежского епархиального управления. По словам владыки, все переступавшие порог скромной келии отца Иоасафа испытывали особую благодатность, исходившую от старца, поражались тихостью и умиротворенностью его души. «Часто я заставал его, – рассказывал он, – в молитвенном восторге, при этом меня поражала простота и дерзновенность его молитвенных обращений к Богу и особенно к Богоматери. Отец Иоасаф обладал прекрасным, красивым тенором и с чисто монашеской, почти детской, умиленностью пел песнопения в честь Девы Марии. Разговоры он вел исключительно на духовные темы и не знал, что такое празднословие или пустословие. Ум свой старец держал устремленным к божественному, а духом всегда оставался бодр и свеж. Когда бы я ни приходил к нему, я встречал его в состоянии неизменной радости. Несмотря на свой строгий, почти отшельнический, образ жизни, принимал нас отец Иоасаф с отеческой лаской, теплотой и приветливостью. Он был настоящим затворником, Божиим человеком и земным ангелом, и его высокая, безмолвная, неадешняя жизнь, которую он проводил в безвестности, была для нас предметом постоянного удивления».

Прозорливость

Батюшка много предсказывал. Часто он вздыхал: «Ах, немного я не доживаю, ведь Оптину-то откроют». Мама, бывало, скажет на это: «Хоть нашу бы церковь не закрыли». «А на Россию будут все лезть, будут ее делить», – говорил он. Однажды видел видение, это еще в Митином заводе было. У них там пруд есть, в поселке. Батюшка подходит к пруду, птица плавает на воде. Он спрашивает: «Ты откуда?» А она отвечает человеческим голосом: «Из-за границы». – «Ты зачем сюда?» – «А чтоб людей прельщать и мир возмущать», – отвечает. То есть ему было открыто, откуда вся грязь в Россию польется. Говорил, что женщина себя обезобразит так, что даже не будет похожа на женщину.

Однажды я принесла в келью батюшки магнитофон с записью одного политического заключенного, который сидел в заключении чуть ли не 50 лет. Батюшка Иоасаф прослушал, сердце его тронулось, так как он сам 20 лет просидел, и с сочувствием сказал, показывая на магнитофон: «О, эта коробочка хорошая». И я понесла магнитофон обратно племяннику. А когда вернулась, то ему Господь другое открыл про магнитофоны, что распространятся эти «коробочки» по всему свету. Даже предсказывал, что видно будет человека, который говорит. Сказал, что в этих «коробочках» много соблазна и разврата будут разносить, и даже духовные будут ими соблазняться.

А мне говорил: «Маша, ты не будешь после моей смерти в моей келье жить». Я думаю: «Как же так, строила сама и не буду?» Помню, когда брат уезжал на жительство в Выборг, то велел нам известить его о кончине старца: «Когда батюшка помирать будет, сообщите, я приеду. Сам на своей голове гроб его понесу». А батюшка ему ответил: «Да нет, я тебя буду провожать, а не ты меня». К маме повернулся и тоже ей сказал: «Сеню (брата моего) все-таки я провожу». Мама обиделась: «Что же он со мной такие шутки шутит? Я ведь мать, со мной такие шутки не шутят». А батюшка не имел привычки шутить. «Что мне Господь открывает, – отвечает, – то я и говорю». Так и вышло: брат тридцати лет помер от болезни.

На дорогого батюшку Иоанна Кронштадтского сделал венок из фольги и повесил в келье. А я говорю: «Да ведь он еще не прославлен». А он говорит: «А у меня келейно прославлен». Так обиделся за батюшку Иоанна Кронштадтского, что не стал даже кушать, когда я еду принесла. А потом я говорю: «Но венчик-то ему идет!» – «Ну, вот так и надо, – говорит, – давай теперь кушать».

Но прозорливость свою скрывал. Нас, к примеру, навещали архиепископ Евсевий (Саввин), схиархимандрит Серафим (Мирчук), иеросхимонах Нектарий (Овчинников), схигумен Митрофан (Мякинин). Когда его о чем-нибудь

спрашивали, то он возьмет тетрадочку, да и начинает им по тетрадочке говорить. Я спрашиваю: «Батюшка, а почему ты не скажешь им от себя? Скажи им своими слова-

ми, ты же ведь знаешь, что сказать». А он говорит: «Нельзя, Маша, если я себя раскрою, то меня здесь не будет. А меня Матерь Божия благословила в этом месте жить». Потом и я стала говорить на батюшку: «Да у него головка больная». В поезде с ним ездить невозможно было. Сейчас, думаю, какой-нибудь подсядет, а он обязательно ему про Царя скажет: «Царь-то пошел на Небо, я видел». Поэтому, как кто с ним заговорит, я сразу: «Ну, ложись, ложись. Да вы отойдите, я его с больницы везу, а вы разговоры заводите, с ним опять плохо будет. Уходите, уходите». – «Маша, – укорит он меня, – что ты такая грубая, зачем людей гонишь?» А как не гнать? Он прямо сейчас скажет: «А крестик на тебе есть?» А ведь все без крестов, ни у кого нет. «Эк, ведь, сатанище, всех в руки свои взял, все кресты поснимали», – это слово обязательно скажет. За такое слово в то время посадят, хоть бы что.

«Я даже рад, что пострадал»

Дух батюшка имел безстрашный. Ничего не боялся. Один раз было, он сам рассказывал, вылезает из земли крот и прямо человеческим голосом ему говорит: «Два раза я тебя искушал, но ты не соблазнился. Вот в третий-то раз обязательно искушу». А батюшка говорит ему так смело и небоязненно: «Если уж ты два раза меня не искусил, то и третий раз не искусишь».

Как-то выборы у нас были, судей каких-то выбирали. Я предупреждаю его:

– Смотри, никому не открывай, голосование будет.

– Что за голосование?

– Да каких-то судей выбирают.

– Да ну и пусть зайдут.

– А чего ты им скажешь?

– А я отвечу: у меня Судья вон где, – и показывает на небо. – Чего, – говорит, – я не знаю, что ответить?

Ну, думаю, не миновать беде после таких его речей. Тогда я к квартальной схожу, с днем Ангела ее поздравлю, отнесу ей чего-нибудь в подарок. Она расчувствуется: «Ах, ах, меня никто не поздравляет, а ты, Маша, одна поздравила». Я скажу: «Екатерина, голосование будет, а ведь дедушка-то мой ненормальный». А она: «Да я его вычеркну». Я опять: «И я-то ведь приду в 12 ночи». «Да я и тебя вычеркну», – на том и порешим.

Было ему видение: заходит он в алтарь и видит – лежат подряд младенцы, убиенные за Христа, и себя возле них лежащим видит. И вот он говорит: «Да, может, еще придется пострадать». А сам так весело говорит. Я говорю: «Батюшка, хватит, жизни 20 лет отняли». – «Да прошли, Маша, они, как ничего и не было. Я даже рад, что пострадал», – только и ответит.

Рыбья желчь

Лет за десять до кончины у батюшки стало падать зрение. Один глаз покрылся пленкой и перестал видеть, и другой почти не видит. Батюшка больше всего за правило переживает: как же он его читать будет? Ведь у него одно развлечение в жизни – его молитвенное правило. А к нам в Грязи раз в месяц приезжал профессор из Воронежа. Я назначаю батюшке день и говорю ему: «Я тебя к врачу свожу». Он согласился. Повела его в поликлинику, села с ним на скамеечку. Сидим, ждем приема. Батюшка видом седоволосый, весь беленький, лет ему много, но на лице морщин нет. Народ стал вокруг нас собираться, батюшку разглядывают. «Никогда такого дедушку не видали. Откуда же это такой дедушка?» – спрашивают. А я возмущаюсь, из себя прямо выхожу: «Да что вам, кино какое показывают? Что вы все подходите?» Наконец идем к врачу. Врач посмотрел его и говорит мне: «Зрения уже не восстановишь, хватит на его век и того зрения, какое у него сейчас есть. Чуть-чуть видит, и хорошо. Я ему сейчас капли выпишу для промывки глаз, чтобы он не сетовал очень, а больше от меня не ждите».

Домой приходим, батюшка капли сколько ни льет, а улучшения никакого. А я-то знаю, в чем дело. «Брось, – говорю, – их, они тебя все равно не вылечат». – «Тогда, – батюшка отвечает, – буду Матерь Божию просить». Стал он молиться, а потом вспомнил, как в Библии рассказывается в книге Товита о снятии бельма с глаза рыбной желчью. Тогда он этой желчи собрал и просит меня закапать в глаз. «Батюш-

ка, – отвечаю, – ты что удумал! Весь глаз вырвет от этой желчи, она же сильная». И я отказалась. Тогда он упросил закапать иеромонаха одного, он из Тамбова к нам приехал. Я с работы прихожу вечером, подхожу к двери кельи и слышу мольбу батюшкину: «Иисусе Сладчайший, Иисусе Сладчайший...» Тогда

я догадалась, что отец Варсонофий ему закапал. «Ну, – думаю, – ноги его здесь больше не будет». Дверь сама открываю и спрашиваю: «Батюшка, сильные боли?» Он отвечает: «Больно, но ничего, ничего, будет на пользу». А глаз у него весь красный. Всю ночь батюшка простонал, утром глаз промыл, а потом опять закапал сам себе, потому что я опять отказалась. На следующий день боли не такие сильные были. Через три дня глаз беленьким стал, а был весь посиневший. Батюшка мне и говорит: «Смотри, глаз-то у меня уже лучше стал. Чего же ты охаешь?» И давай во второй глаз капать. Я опять запричитала: «Этот-то, который хоть немного видит, не трогай». Но разве его остановишь? Я только ахаю, а он кряхтит, но капает. Через некоторое время он мне говорит: «Маша, глаз-то у меня, который не видел, теперь зрячий». Я не верю, думаю, что успокаивает меня, чтоб я не зудела. А потом гляжу, он сам правило читает, без ошибки. Так и исцелил себе глаза. До последнего дня читал, и даже без очков. Другие пробовали по этому рецепту лечиться, но ничего не получалось: не выдерживали болей.

Кончина

Вот начался 1976 год, тяжелый для меня. Всегда батюшка был бодрый, жизнерадостный и все время говорил: «*Обновися, яко орля, юность моя*». Но в этом году уже не говорил, ждал своей кончины. Батюшка к смерти легко относился, ждал ее, как хорошего гостя. Скажет мне, бывало: «Монахи приходили с Оптиной. Дескать, браток, ну мы ведь тебя ждем». И начнет мне перечислять: «Варсис приходил, Наркис приходил...» – «Да зачем, – скажу с таким недовольством, – чего им тут делать? Зачем они сюда приходили?» – «А чего? Пусть... меня, вроде, зовут». А я так расстроюсь...

За год до кончины батюшка стал ласковый в обращении со мной, а до этого был строгим. На правиле, скажем, стою за ним, залюбуюсь, на него глядя, и про себя только подумаю: «Где еще такой батюшка есть?» Он обернется, дверь передо мной откроет и скажет: «Ну-ка, выходи из кельи, быстро, быстро». Делать нечего, выхожу. А за год до кончины помягчел, все звал меня: «Маша, голубчик».

Батюшке про день смерти открыто было. За год до его кончины прихожу из церкви, на Троицу дело было, а он спрашивает: «Сегодня не Благовещение?» Я отвечаю: «Батюшка, да что ты, на Благовещение ручьи текут и снег еще, а сейчас, смотри, уже ветки зеленые». Он говорит: «Ну узнаешь после, что

Прощание со старцем Иоасафом

это за день будет». Вот подходит Благовещение. Я в церковь на всенощную не пошла, с батюшкой совсем плохо было. Стала акафист читать. У нас церковь за пять километров была, не близко, пешком ходили, но нам в радость было.

Вдруг слышу голос батюшки: «Мария, подойди». Я подхожу, а он сам весь сияющий, веселый. Я прошу его: «Батюшка, скажи мне что-нибудь». А он отвечает: «Возле меня стоит Спаситель и Матерь Божия». – «Пусть Они тебе скажут, когда Они тебя заберут», – говорю ему. Он отвечает: «Благовещенская Матерь Божия тебе скажет». Я потом думала: «Вот как умно ответил. Напрямую мне не сказал, а то б я разохалась да заголосила, от меня-то тайна его смерти закрыта была. Уже отходил ко Господу, а ум у него вот какой ясный был».

Я после этих слов пошла за раскладушкой, чтоб во сне увидать, как мне Матерь Божия про его смерть скажет. Это в народе такое поверье, что под Благовещенье Матерь Божия во сне всю правду говорит. Батюшка спрашивает: «Ты зачем это?» Я чего-то там схитрила, не помню. Он улыбнулся слегка. Я на раскладушку легла, но разве заснешь? В 2.30 ночи встала, к батюшке подхожу, а он такой веселый, руку мне жмет и что-то так мне говорит быстро-быстро. Думаю: «Батюшке легче стало, видать, выздоравливает». И к маме побежала. Она перед этим была у меня и сказала: «Ты нынче не спи, он умрет». А я как расплакалась, как к ней придралась: «Я разве без тебя не знаю? Чего ты мне такие слова говоришь?» Вот мама приходит к батюшке, я следом иду. Подошла она к нему, а потом говорит мне: «Ну, не теряйся, он уж ушел». А я даже не поняла нисколько. Такой веселый, такой сияющий, улыбается. Так разве умирают? И все свое думаю: «К Пасхе встанет, вот уж стал разговаривать».

Похороны

Племянник в три часа утра пошел, дал телеграммы о кончине батюшки, и уже к обеду приехал с Ельца схиархимандрит Серафим (Мирчук), а к вечеру из Сергиевой Лавры владыка Евсевий (Саввин) прибыл, он тогда там наместником был. Потом приехал иеросхимонах Нектарий с Воронежа. Отпевали его в келии. Владыка Евсевий возглавлял. Он батюшку очень чтил, и батюшка к нему всегда ласков был. А перед кончиной свою полумантию ему подарил, так владыка очень ценит его полумантию. При выносе гроба неизвестно откуда налетели пчелки, начали все от них отмахиваться, но они никого не кусали. Три пчелки, пока к могилке шли, так над головой батюшки все и кружились, не отлетали никуда. Чудно было смотреть. А когда стали опускать гроб в могилку, опять множество пчелок появилось. Могилку батюшки почитают, и даже исцеления на ней совершаются.

Батюшка еще при жизни меня предупреждал: «Мария, когда я умру, тебя про меня спрашивать будут. Ты много-то не рассказывай». Такое было его желание. Как при жизни его почти не знал никто, так и по смерти хотел оставать-

ся в безвестности. Смиренный был очень батюшка.

Свое краткое «Жизнеописание...» иеромонах Нестор заканчивает словами:

– К жизни схимонаха Иоасафа (Моисеева) приложимы псаломские слова: *«Проидохом сквозе огнь и воду, и извел еси ны в покой»*. Действительно, его жизнь была библейским прохождением «сквозь огонь и воду». Двухлетние принудительные работы в Калуге, лишение гражданских и избирательных прав, трехкратное лишение свободы и пятнадцатилетнее пребывание в советских концлагерях, последующая жизнь в затворе по причине недоброжелательства властей – такова чаша испытаний, выпавшая на его долю. Но все эти скорби, лишения, узы и гонения не в состоянии были сломить крепость его души и нисколько не повредили его высокой духовной настроенности. Он соблюл в своей жизни в неизменности и «правило веры», и «образ кротости». Более того, во всех «сих приключшихся» он достиг христианского совершенства и украсился благодатными дарами Духа Святого. Как и многие верные чада нашей Церкви, прошедшие

Могила старца в некрополе Оптиной пустыни

через испытания XX века, отец Иоасаф оказался одним из тех, кого *«Бог искуси»*, и *«обрете достойным Себе»*, о ком сказал пророк: *«вы Мне свидетели, и Аз Господь Бог»*, кто *«благоугоден Богови бысть»* и в ком *«воцарится Господь во веки»*.

* * *

30 ноября 2005 года в г. Грязи Липецкой области состоялось обретение честных останков схимонаха Иоасафа (Моисеева), которые были отправлены в Свято-Введенскую Оптину пустынь, где начиналась монашеская жизнь незабвенного батюшки. По благословению Святейшего Патриарха Алексия II 1 декабря останки старца, согласно его желанию, были перезахоронены в некрополе Оптиной пустыни. Нам известно, что оптинские монахи трудятся в настоящее время над сбором материалов для составления полного жизнеописания схимонаха Иоасафа. Создана комиссия по его канонизации.

В публикации использованы материалы иеромонаха Нестора (Кумыша) и схимонахини Николаи, являющейся ныне насельницей Снетогорского монастыря.

Из писем схимонаха Иоасафа (Моисеева)

Слава Богу за все: за радости, печали и скорби. *Благо мне, что я пострадал, дабы научиться заповедям Твоим, Господи.*

Как я рад твоей весточке, родной мой о Господе отец Павел[1], я уж думал, что и в живых нет. Говорю: «Маша, напиши отцу Павлу письмецо, узнай, жив ли он», а теперь с радостию пишу и отвечаю вам, мой родной отец Павел. Как мне желательно с вами видеться лицом к лицу, поговорить с вами, и многое есть, что поведать вам. Может, как-нибудь с помощью Божией доберешься ко мне, за проезд я могу заплатить за тебя. Приезжай, мне хочется исповедаться и причаститься у тебя. Может, последний раз будем с вами, может, отслужишь литургию в моей келье, все принадлежности к совершению литургии у меня есть. Отец Серафим, покойник, служил в моей келье две литургии, а ведь ты не знаешь, что у меня хранится антиминс Казанской церкви Оптиной пустыни. Было два, один отдал на Кавказ одному архимандриту. Есть риза, подризник, епитрахиль, поручи, Чаша, тарелочки, копье и будут просфоры, а какие у меня новости для тебя есть, ты нигде не увидишь и не услышишь. О, дорогой мой, ну-ка раскачай свои старые кости и хворости, потрудись ради своего спасения и утешишь меня своею любовию к моему недостоинству, утешь меня своим посещением. Мария моя расположена к тебе, как к оптинскому старцу. Если будет намерение поехать, то сообщи. Ну, порадуй своим посещением меня, если не будет возможности отлучиться Нюре твоей, то пошлю Марию за тобой. Жду твоего расположения и ответа. Все, что будет зависимо от меня для твоего приезда, все будет сделано. Приезжай, мой старче, утешь меня, родной, своим посещением, худость мою.

Помнящий Вас, недостойный грешный схимонах Иоасаф.

Прошу святых молитв и благословения.

[1] Оптинский игумен Павел (Драчев; † 1981).

ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО

У одного короля был сын. Принцу уже было 10 лет, а он до сих пор не умел себя хорошо вести. Его очень избаловали, потому что других детей у короля не было, а королева умерла. От природы у принца было доброе сердце, поэтому ничего особенно плохого он не делал, но он просто не думал о других, никому не помогал, да и держать себя не умел: сидел, развалясь, перебивал старших, надменно говорил с придворными.

И вдруг стало известно, что соседний король хочет выбрать жениха для своей внучки. Когда он выберет того, кто ему понравится своими характером, поведением и воспитанностью, то он обручит его с принцессой, а через несколько лет после того все королевство перейдет к мужу принцессы. «О! — вскричал король-отец. — Что же нам делать? До смотра осталось всего 10 дней, а мой сын так дурно воспитан, что его сразу забракуют! Скорее созовите лучших учителей хороших манер. Пусть учится с утра до вечера!»

Созвали учителей, и они все разом начали учить принца: «Нельзя так сидеть, нельзя так ходить, нельзя так кланяться, нельзя класть локти на стол, нельзя свистеть в комнате. Нельзя, нельзя, нельзя...» Оказалось, что у принца была плохая память. Ему самому хотелось понравиться королю, дедушке принцессы, но запомнить всего, что ему говорили, он не мог. Только он запомнит, что надо спросить «можно?», входя в чужую комнату, как забудет, что надо предложить стул вошедшему. Только он запомнит и это, как ему говорят: «Нельзя так топать ногами! Нельзя так разглядывать костюм вошедшего... Нельзя держать руки в карманах...» И опять «нельзя...»

— Сколько же правил я должен запомнить? — спросил принц.

— Мы их не считали, Ваше высочество, — сказали учителя, — но, наверное, их несколько тысяч.

Услышав это, принц страшно рассердился, затопал ногами и закричал, что больше учиться не будет. Король был вне себя. До отъезда оставалось уже только три дня, а поведение и манеры принца попрежнему никуда не годились.

Тогда король созвал совет своих министров. На этом совете было решено обратиться к одному старому-старому мудрецу и спросить его: нельзя ли сократить число правил поведения хотя бы до 50 самых главных. «Можно,

— ответил мудрец. — Можно сократить число этих правил даже до одного». Все были поражены таким ответом.

Старца тут же пригласили во дворец. «Для того, чтобы быть не только хорошим, но и даже воспитанным, — сказал он принцу, — ты должен считать, что все другие лучше тебя и потому всех надо любить и уважать. Если будешь думать прежде всего о других, а потом о себе, ты ничего не сможешь сделать плохого или неприятного, а это и будет хорошим поведением. Все правила, которые ты не смог запомнить, будут исполняться сами собой».

— Это очень трудно, — сказал принц, — как же я смогу думать, что наш шут, горбатый карлик, лучше меня? Как я могу его полюбить, когда он мне так противен? Даже моего слугу с его длинным носом, который гораздо лучше карлика, я не смогу полюбить.

— А ты делай вот так, — сказал мудрец, — ты помни, что карлик в действительности вовсе не карлик, а прекрасный принц, только заколдованный; когда ты будешь говорить с ним, ты не обращай внимания на его горб, говори с ним, как будто перед тобой не карлик, а принц.

— А лакей тоже заколдован? — спросил мальчик.

— Да, и лакей, и все другие, — отвечал мудрец и продолжил. — Только смотри, никогда не отступай от этого правила. Оно действует не сразу. Если будешь его твердо помнить и ничем не смущаться, то в конце концов с тобой будут разговаривать только принцы и принцессы вместо шутов и лакеев.

Принц удивился услышанному, но решил попробовать выполнить это правило.

Пройдя двадцать пять зал дворца, он встретил наконец горбатого карлика и сказал ему: «Здравствуйте», — с приветливым видом.

Раньше он никогда не говорил ему этого и часто его дразнил. Шут подумал, что принц и сейчас смеется над ним. Он тряхнул бубенчиками своего колпака и стал кривляться. Он нарочно делал гримасы, прыгал и катался по полу, чтоб рассмешить принца. Но принцу совсем не было смешно, наоборот, ему было грустно. «Если правда, что это заколдованный принц, то как ему, наверное, тяжело ходить в дурацком колпаке и сносить насмешки, — подумал мальчик, — и как ему больно делать все эти фокусы с его горбатой спиной». «Встаньте, пожалуйста, прошу Вас, — сказал он, — ведь я знаю, что в действительности Вы принц. Как это ужас-

но, что Вам приходится быть шутом. Мне очень стыдно, что я мучил Вас. Простите меня. Я тогда ничего не понимал».

Принц подошел к карлику, положил ему свои руки на плечи и ласково посмотрел в лицо. И тогда лицо карлика изменилось, и его глаза наполнились слезами. И глаза эти были так прекрасны, так непохожи на те, которые раньше знал принц, что он увидел в нем совсем другого человека. Это были глаза заколдованного принца. Он разговорился с карликом и с тех пор навсегда полюбил его. Теперь он не позволял никому обращаться с ним жестоко.

Через день после встречи с карликом маленький принц с пышной свитой отправился на смотр. Он уже видел, что мудрец сказал правду и совсем переменил свое обращение с людьми. Он стал скромным, ласковым, внимательным, не говорил того, что могло обидеть, а, наоборот, старался каждому сделать что-нибудь приятное.

«Как хорошо воспитан этот принц!» — сказала принцесса, когда познакомилась с ним. Впрочем, другие королевичи тоже были хорошо воспитаны. Они кланялись, танцевали, подносили букеты принцессе, читали ей стихи и отвечали на вопросы короля по всем правилам вежливости. Они были любезны и приятны. Однако, друг друга они не любили, со слугами же обращались свысока. А ученик мудреца считал, что другие принцы лучше его. Поэтому он почти не надеялся, что будет выбран. «Принцесса слишком хороша для меня!» — думал он.

Старый король все это заметил. Когда он спросил внучку, кто лучше всех, она воскликнула: «Конечно же, маленький принц! Он такой добрый, его нельзя не полюбить!»

Наверное, вы уже догадались, что думал мудрец, когда говорил, что каждый человек, даже самый невзрачный на вид и как будто неприятный, в действительности, заколдованный принц? Конечно, он думал о прекрасной душе, разумной и бессмертной, невидимо сокрытой в сынах человеческих. Как ни прекрасны небо и солнце, или любое творение Божие, но не благоволил Бог избрать себе жилищем солнце, а избрал человека, призывая к покаянию неверных и даруя обильную благодать верным и любящим Бога.

Вероника ПЛАТОНОВА
«Белгородские епархиальные ведомости», № 12, 2006 г.

Христианская поэзия

ПУСТЫННИК

Я снова вижу моря синь,
Родные горы, зелень,
Лес в синей дымке нелюдим
Там, где отшельник в келье.

Туда лишь птица долетит
К молитвеннику Бога,
О чем он с Богом говорит,
Не ведаю, убогий.

Тот подвиг труден, но зато,
Нам помогает грешным
Найти дорогу в храм святой
Его молитвой вешней.

За всю Россиюшку мою
Его молитва льется.
Уверен, знает боль твою —
Как нелегко живется.

Поможет нам его любовь,
Его святая честность.
Господь услышит его боль
О нас скорбящих, грешных.

Владимир Ханин

ДЕВЧУШКА

Она стояла тихая в смущеньи,
Девчушка, лет поболее шести.
С открытым ртом она внимала пенью:
«Что это значит, Господи, прости?»

Священник в облачении нестрого
Смотрел он, очень радуясь в душе.
Привел Господь, спасая нас убогих,
Но жаль... приходят к Господу не все.

Что спросишь ты у Господа сегодня,
Какие страхи на душе твоей?
То знает Бог, Он приходящим р=одный,
Овцам заблудшим в суете своей.

Он даст тебе, что надобно к спасенью,
Расти, молись, будь чистой, как сейчас.
Не своею волей, а Его хотеньем,
Чтобы душа безсмертная спаслась.

Ушла она, слова Господни явно
Достигли цели — семя прорастет.
Господь в душе её, а это главно —
Господь её воистину спасет.

Владимир Ханин

НА МОСТУ ЖИЗНИ

Теперь припомнил рассказ о. А. Кир-го об игумене Афонского Пантелеимонова монастыря Нифонте. Это было в Париже: отец Алексий приехал к нам в Богословский институт духовником студентов. И он рассказал следующее.

В одной семье была строгая-престрогая мать.

У нее было два мальчика, может быть, лет по 8-10. У матери на косяке всегда висел кнут для наказания ребят. Как-то дети расшалились и старший разбил лампу – или только стекло... Спрятать беду было уж некуда. Тут вошла в избу мать и, конечно, сразу увидела следы шалости.

– Кто разбил лампу? – спрашивает она сурово.

Младший вдруг говорит:

– Я!

Мать сняла кнут и жестоко отхлестала его.

А старший брат с ужасом и удивлением смотрит, как мать бьет неповинного брата.

Мальчик (не помню имени его: может быть, Николай?) полез на печь – утешительницу всех несчастных. И вдруг потолок над ним исчез. Воссиял свет. И явился Христос.

...Далее не припоминаю, что Он сказал ребенку в похвалу за самоотверженное страдание за брата. Но только мальчик тогда же дал обет: уйти на Афон в монастырь. И когда вырос, так и сделал. Потом был там игуменом и сам рассказывал о видении.

А я теперь записываю – для тех, кто спрашивает: «А кто Бога видел?»

Просьба не использовать альманах в хозяйственных целях

При перепечатке ссылка на "Задонский паломник" обязательна

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14,
Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь,
тел. 2-49-55. *Выходит с 2000 г. Тираж 5000 экз.*
Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство *ПИ №ФС77-21446 от 01 июля 2005 г.*